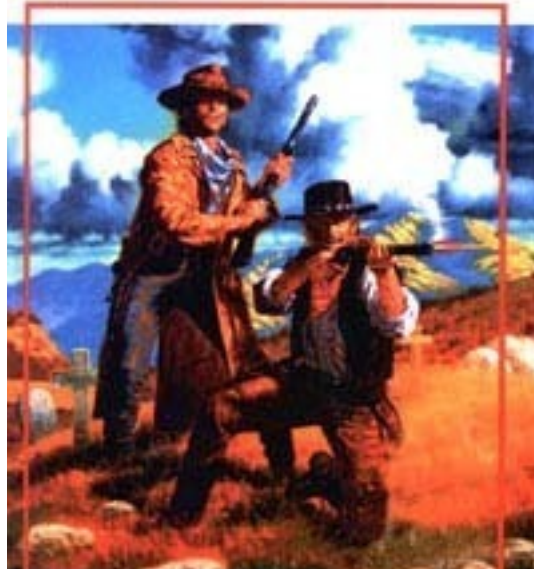

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Макс Брэнд

Остаться в живых

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Остаться в живых / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Жизнь, полная опасности и риска, началась у трудолюбивого работника ранчо в тот момент, когда там появился новичок по прозвищу Лэнки-Долговязый.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Брэнд

Остаться в живых

Глава 1

Ранчо в тревоге

День, когда у нас появился Лэнки¹, застрял в моей памяти отчасти – из-за истории, которую он рассказал через несколько минут после того, как остановился у дома, где жили работники ранчо, отчасти – из-за дальнейших событий. Их было так много, что еще задолго до конца моего рассказа станет понятно, почему все связанное с Лэнки самыми яркими красками отпечаталось у меня в голове.

Мы как раз завершили дневные труды. С делами управился даже подсобный рабочий, то есть я. К тому времени мне только-только исполнилось двадцать два. И коль скоро я был самым молодым и зеленым, вся черная работа всегда доставалась мне. Но меня это мало беспокоило. У Порсонов собрались чуть ли не лучшие работники во всей округе. Вкалывать приходилось тяжело, но зато, когда наступали скудные и унылые зимние времена, Порсоны неизменно находили какой-нибудь предлог, чтобы удержать и сохранить добросовестных трудяг. Всех лодырей и бездельников гнали со двора, как только всерьез устанавливались холода, но каждый старательный и трудолюбивый ковбой мог не сомневаться, что спокойно перезимует на ранчо вместе с другими людьми Порсонов. Порой оставшиеся в поместье на зиму получали лишь половинное жалованье. Иногда – только еду. Но при первой возможности взяться за весенние работы на полную катушку людей снова переводили на обычную плату. Само собой, при таком раскладе всякий будет не прочь поработать.

Что до меня, то, намереваясь всю жизнь ухаживать за скотом, а то и владеть им, я был счастлив поучиться этому делу у старого Джеффа Порсона. Будучи одним из наиболее суровых и безжалостных людей в округе, он вместе с тем отличался прямоотой и справедливостью, а главное, здорово разбирался в коровах! Он знал их настолько хорошо, что, просто взглянув, как годовалый теленок машет головой и бьет хвостом, мог сразу же, с точностью до десяти, сказать, сколько мух терзает бедную животину. По крайней мере, так утверждали все его работники! Сын его, Дэн Порсон, управлял поместьем, когда старик был в отъезде, и также считался хорошим хозяином. Очень активный и энергичный, Дэн излишне часто конфликтовал с теми, кто ему не понравился, а то и заводил драки. Но как хозяин он был хорош, к тому же – отзывчивый и понимающий.

Что значит хороший хозяин? Ну, это человек, который, во-первых, дело разумеет, а во-вторых, знает своих рабочих как облупленных. Он видит, когда ты потрудишься на славу и сделал все, что мог, а когда – кое-как, вполсилы. В первые же дни работы на ранчо мне пришлось объезжать норовистую четырехлетнюю лошадку. Это заняло целую неделю, и все это время оставалось под вопросом, кто кого дрессирует: я ее или она меня. Увы, благодаря мне она приобрела все скверные привычки, какие только может собрать лошадь за всю свою долгую жизнь. И, несмотря на это, молодой Порсон позволил мне продолжать работу. Впоследствии я узнал, что, когда один из наших парней нажаловался Дэну: Грэй, мол, не управляется с порученной ему лошады, и не из-за ее особой строптивости, а из-за собственного невежества, – Дэн сказал в ответ, что на этом ранчо хорошо обученный ковбой ценится выше хорошо обученной лошади и что лучшего учителя, чем жизненный опыт, у меня никогда не будет.

¹ Lanky – долговязый (англ.).

Обо всем этом и о Дэне Порсоне я рассказываю так подробно потому, что к моменту появления Лэнки на ранчо случились кое-какие неприятности. Всего за несколько недель до этого наш молодой хозяин ездил с компанией в город и там в случайной салунной заварушке не сумел себя вовремя сдержать. Ссора началась с сущего пустяка – из-за дурацкой пьяной болтовни, не более, но привела она к пальбе, и Дэн, будучи быстрым и метким стрелком, поразил своего противника.

Пуля угодила Джошу Экеру в брюхо, у самой тазовой кости, и прошла навывлет. Парня уложили поправляться в одной из дальних комнат салуна, и конечно же Дэн исправно оплачивал все счета. Мы надеялись, что Джош выкарабкается. Частично – из жалости, так как очень уж обидно умереть в таком возрасте; а частично – из-за его брата. Том Экер носился сейчас по делам где-то в другом конце штата, но можно было не сомневаться, что в один прекрасный день он постучится в двери Дэна Порсона, коли Джош навсегда покинет Дикий Запад. А этот Том Экер был самым настоящим бандитом. Вооруженные поединки давно стали для него делом привычным и заурядным. В схватки Том вступал при первом удобном случае, охотно и с готовностью – как потому, что ему это нравилось, так и оттого, что это у него здорово получалось. Парня не менее полудюжины раз судили за убийство, но неизменно отпускали, оправдывая его действия требованиями самозащиты.

А потом на ранчо пришло нацарапанное рукой Джоша Экера письмо. В конверте лежали деньги – Джош возмещал Дэну Порсону все расходы на лечение, содержание и уход со времени того злополучного выстрела. А в записке сообщалось, что деньги пересылал его брат Том и он, мол, намерен лично разобраться с молодым Порсоном, как только закончит свои собственные дела.

В письме говорилось, что Том хочет потолковать с Дэном, но любой дурак понимал: на их встрече право голоса получит только судья Кольт!

Итак, над ранчо сгущались тучи. Не звенел больше громкий смех за ужином, и все без исключения ходили мрачные и хмурые. Конечно, недостатки Дэна были нам хорошо известны, но мы любили его и не хотели даже мысли допускать, что близится его смертный час.

Так обстояли дела в тот момент, с которого я начал свой рассказ, и потому-то мы, собравшись в кружок, тихо вечеряли перед домом, не в силах ни о чем говорить. Внезапно на вершине холма показался незнакомый всадник и, неспешно протрусив по склону, резко осадил лошадку перед нами. Внешне он являл собой образец настоящего ковбоя – высокий, поджарый, широкоплечий и мускулистый малый. Но лицо его поражало необычайным уродством, хотя в то же время светилось добродушием. Особенно привлекали внимание большой свернутый набок нос и широкий искривленный рот, улыбающийся тою же стороной, в которую глядел кончик носа. Из-за этого создавалось впечатление, будто незнакомец всю жизнь провел на ветру, задувавшим только с одной стороны, – совсем как одинокое дерево на краю обрыва.

Остановившись возле нас, всадник медленно соскользнул со своей лошадки.

Тут мы увидели, что вся его одежда превратилась в сплошные лохмотья, спина мустанга как-то по-бычьему вогнута, а голова свисает так низко, словно ее притягивает к земле тяжеленная гиря на шее. Да, они стояли друг друга. Что лошадь, что хозяин – оба выглядели крайне неряшливо и убого. Ковбои в наших краях обычно останавливаются резко, с фасоном, а с седла соскакивают так, будто провели в нем всю жизнь. Но этот странный тип просто полусоскочил-полувывалился из седла и встал на землю самым простым и естественным образом.

– Здорово, ребята, – бодро приветствовал он нас. – Там, на вашей кухне, не осталось чего-нибудь перекусить?

Дэн Порсон сидел вместе с нами. Он и ответил незнакомцу:

– Поставь лошадь в конюшню, путник, а потом зайди в дом и скажи повару, чтоб тебя накормил. Заодно пусть он даст пару запасных одеял. Здесь найдется и свободная койка.

– Лошадь я поставлю, если смогу загнать ее в конюшню, – усмехнулся долговязый. – С ней ой как непросто справиться!

– А она что, только по прямой привыкла ходить, животное твое? – полюбопытствовал кто-то.

– Она-то? Да нет, сэр, просто это не обычная лошадь, а медвежья! – воскликнул незнакомец в ответ.

Он направился к конюшне, с трудом волоча за собою мустанга со впалой спиной. Затем мы увидели, как он свернул к дому.

– Что этот парень имел в виду, когда назвал свою лошадь «медвежьей»? – спросил Дэн Порсон вслух.

– Смахивает на бродягу, а ходит как ревматик, – мрачно заметил Лефти Гинесс. – Надеюсь, он не долго тут задержится.

Стоял уже конец весны – время самых длинных дней, и когда незнакомец с одеялом через плечо и сигаретой в зубах вышел из дому, мы отчетливо видели в розовом свете сумерек его долговязую фигуру. Двигался он медленно, короткими шагами, словно бы у него болела нога да еще и колики в животе беспокоили вдобавок.

Дэн Порсон – вежливый малый. Он поднялся навстречу незнакомцу и пожал ему руку.

– Тебе знакомо это ранчо? – спросил он.

– Нет, – покачал головой долговязый, – но, проезжая мимо, я подумал, что тут очень славно.

– Это – ранчо Порсонов. А я – Дэн Порсон. Занимай себе место, расстилай одеяло и чувствуй себя как дома.

– Спасибо, – поблагодарил незнакомец. – Меня обычно зовут Лэнки. Рад познакомиться с тобой, Порсон.

Он сложил одеяло подушечкой и со вздохом сел на него, скрестив ноги.

– Что это за медвежья лошадь, приятель? – не выдержал Дэн.

– Медвежья-то? – переспросил Лэнки. – Порсон, ты не знаешь, что такое медвежья лошадь?

– Нет, – признался Дэн. – Не знаю. До сегодняшнего дня я и не слыхивал подобного прозвища.

– Что ж, если хорошенько подумать, не только ты, но и я сам ни о чем таком не слышал... до поры.

Лэнки умолк и в наступившей тишине свернул тонкими ленивыми пальцами новую сигаретку, а потом прикурил ее от дотлевающего окурка прежней.

По гробовому молчанию, ни разу не нарушенному за все время, пока он возился с сигаретой, Лэнки понял, что мы ждем объяснений. И они не заставили себя ждать.

– Парочку дней назад подгонял я раз за разом свою лошаденку, ругая ее на чем свет стоит. Хотя, конечно, дареному коню в зубы не заглядывают. Но этот – и спереди весь какой-то неправильный, и сзади негожий, да и посередине ничего хорошего в нем нет. Задние ноги рысью скачут, а передние идут себе шагом. И плюс ко всему вечно горбится – ну ни дать ни взять корова, когда под горку топают. И одышка у него, и близорукий к тому же, а единственное достоинство – что по утрам свирепеет и начинает бросаться из стороны в сторону, чтобы прогреться до самого хвоста. Походка такая тяжелая, что все у меня болит и ноет, все-все – с головы до пят. Слышали, наверное, о таких лошадях? Каждый раз, когда копыто касается земли, я чувствую, как мозги у меня в черепушке тарахтят почище сушеного гороха в жестянке.

– Да уж, – кивнул Дэн Порсон. – Знал я таких лошадей.

Мы, все остальные, тесно сгрудившись, молча ждали продолжения истории, так как по всему было видно, что этот тощий долговязый незнакомец – умелый рассказчик.

– Есть хотелось все сильнее. Перекусить удавалось редко, да и мало к тому же, а тряска на этом проклятом мустанге просто бешеный аппетит нагоняет. И вдруг мелькает передо мной белохвостый олень! Я соскакиваю на землю, привязываю своего скакуна длинной веревкой к иве, а сам – тихонечко, остороженько перебираюсь через холм. Стреляю – и удача улыбается мне: срезаю наповал молоденького самца. Ну, топаю я к тушке, снимаю все самое лучшее мясо и двигаю себе назад, через кустарник, чтобы упаковать его и уложить на мустанга.

И тут – на тебе! – вырастает откуда ни возьмись огромная фигура – гризли. И такой здоровый, что носом аж небо буравит. В жизни своей не видывал такого большого гризли – куда крупнее любого из тех, что в барах после третьей рюмки расписывают. И так близко он стал от меня, что, когда фыркнул, сдул шляпу с головы. Я мясо-то выронил, шляпу только подхватить успел, да и рванул к лошади со всех ног. А медведь – за мной, по пятам.

Вскочил я в седло, шпоры что есть мочи в мустанга вогнал, и он вихрем понесся в сторону Северного полюса. Но вот беда – совсем я запамятовал о длинной-предлинной веревке, привязанной к иве. Ну и как только натянулась она до конца, мустанг мой кувырком – через голову, а я полетел дальше, прямиком в заросли густого колючего кустарника, который исцарапал и ободрал меня всего вдоль и поперек. Вот поэтому-то моя одежда сейчас в таком плачевном состоянии.

В общем, как перестало у меня в голове мельтешить, присел я и вижу: конек мой снова на ноги вскарабкивается, а медведь уже близко, и явно с мыслью, что сегодня на обед у него будет конина.

Итак, бросается он в атаку. А у дикаря моего поводья вокруг шеи расслаблены, но сбросить их – и думать нечего. Вдобавок коняга теперь уже знает все о веревке и понимает, что никаких шансов выпутаться у него нет.

Что же он делает? Как только медведь оказывается рядом, мустанг малость отступает назад, опускает голову, чтобы получше прицелиться, размахивается задними ногами, закидывая их выше ушей на пару ярдов, и со всего размаху бьет медведя прямо в нос.

Гризли был такой огромный, что оба копыта могли поместиться у него на кончике носа совершенно спокойно. От удара он плюхнулся на спину и взревел – прямо как гром загрохотал. Потом поднялся, приложил передние лапы к морде – пощупать, что там от нее осталось, и, видно, уразумев, что осталось совсем немного, решил убраться поскорее, пока и этого не лишили.

Короче, бросился мишка галопом наутек – на трех лапах, поддерживая нос четвертой, чтобы хоть как-то боль утихомирить.

Так и проделал весь путь до самого края горизонта, пока окончательно не скрылся из виду.

А я освободил мустанга, подобрал мясо да винтовку и поскакал себе дальше.

Но теперь лошадка моя вспоминает порой ту проклятую веревку и тогда останавливается как вкопанная и трясет головой. А еще, время от времени, опускает голову и оглядывается назад – проверить, нет ли там медведя, не подкрадывается ли тот к ней снова.

Вот поэтому-то и прозвал я своего мустанга «медвежьей лошадкой».

Добравшись до конца истории, Лэнки выдержал паузу, поднялся на ноги с выражением тягчайшей муки на лице и, вздохнув, добавил:

– Ох уж эти колючки – всего в клочья изодрали!

С этими словами он отправился в дом, а мы остались сидеть на улице, продолжая смеяться над рассказом.

– Медвежья лошадь! – взревел Дэн Порсон, чуть не плача от смеха.

Мы все покатались пуше прежнего.

– Скажу я вам, кто он такой, этот бродяга Лэнки, – заметил вдруг Дэн. – Самый настоящий плут-словоблуд!

Глава 2

Умелый рассказчик

Мы думали, Лэнки проведет с нами одну только ночь, но прошло еще три недели, а он все оставался на ранчо. И каждый день мы боялись, что он вот-вот снимется с места и покинет нас навсегда. Сама мысль об этом приводила в уныние, так как Лэнки оказался одним из самых занятных и веселых людей на свете. «Плут-словоблуд» – назвал его наш хозяин, и в этом не было ничего оскорбительного. Нет, это звучало совершенно безобидно, точно так же, как и другие определения такого рода – «задиристый балбес» или «дурак до работы», к примеру.

Конечно, работяга из Лэнки был не ахти какой. Первые несколько дней наш долговязый друг был настолько слаб и немощен из-за шипов и колючек, в которые угодил, слетев со своей лошадки – как, по крайней мере, следовало из его сомнительного рассказа, – что любые движения причиняли ему массу страданий. Но потом стало совершенно ясно, что независимо от состояния здоровья Лэнки не бывает в рабочей форме. Не важно, что требовалось сделать, – все связанное с физическим трудом тяготило его необычайно.

Долговязый частенько вступал с нами в разного рода сделки. Его искусные руки ловко проделывали самые разнообразные штучки – в пору заправскому фокуснику, и очень скоро выяснилось, чего он от нас хочет. Нет, Лэнки никогда не требовал доллар у того, с кем поспорил, если парню не удавалось отыскать, допустим, нужную карту, но зато просил починить ему уздечку, или подправить новенький стремянный ремешок, или еще чего-нибудь вроде этого. Бывало, он просил почистить щеткой или скребницей своего мустанга – в чем эта животина никогда не нуждалась – против пятидесяти центов в залог того, что вытащит из твоей куртки кролика. Подобный фокус Лэнки проделал однажды со мной, и, когда он запустил мне за пазуху руку, я, к своему изумлению, тут же почувствовал, как что-то там карабкается и трепыхается, и перепугался до полусмерти. А Лэнки уже держал кролика за шкурку.

Все просто покатывались со смеху, глядя на это невероятное зрелище. У одного лишь фокусника лицо оставалось серьезным, когда он пояснил нам:

– Кролика можно вытащить не из каждого. Только открытое сердце и доверчивая душа позволят крольчишке забраться внутрь. Но, как видите, наш Нелли Грэй прямо-таки набит кроликами!

И тут же, без всякой паузы, он извлек из-под моей куртки еще одного зверька, и тот, отпущенный на волю, мгновенно – как и первый – растворился в сумерках.

Следует пояснить, что полное мое имя – Нельсон Грэй и обычно его сокращали до «Нельса», но Лэнки стал называть меня «Нелли», и кличка эта, вызывавшая во мне глубочайшее раздражение, с тех пор прилипла намертво.

Трюки, проделываемые Лэнки, дорогого стоили в таком глухом месте, как наше, и особенно после долгого дня изнурительных скачек по всей округе. Вместо того чтобы стать самым мрачным местом в штате, ввиду нависшей над нашим хозяином угрозы, ранчо превращалось теперь по вечерам в веселейший уголок на свете.

Дэн Порсон взял за правило приходить в конце дня к дому, где жили мы, наемные работники, и сидеть вместе с нами часок-другой после ужина, внимая причудливым рассказам Лэнки. Когда тот начинал очередную байку, мы затихали в ожидании чего-нибудь интересного и, затаив дыхание, слушали каждую новую историю. Как-то раз Дэн даже заявил, что удовольствие иметь на ранчо одного такого рассказчика, как Лэнки, стоит жалованья двух хороших ковбоев, и предложил плату за время, потраченное на рассказы!

– Я уже был однажды платным рассказчиком, – ответил на это Лэнки, – и, уж поверьте, никогда больше за такое дело не возьмусь.

– Когда же ты мог быть платным рассказчиком? – не удержался я от вопроса.

И это мое восклицание положило начало новой истории, хотя вообще-то что угодно могло подтолкнуть Лэнки к очередному рассказу.

– Нанялся я как-то на двухмачтовый бриг, и была там на борту парочка прилипчивых и придиричивых парней. Сколько мы таскались по Тихому океану, оба лакали какую-то жалкую бурду под названием пиво, которую сами же и варили. И вот как-то вечером, когда мы подходили к одному порту на Соломоновых островах, принялись они совать мне в глотку ковш своего мерзкого варева.

– И ты тут же врезал им обоим как следует. А, Лэнки? – хитро усмехнулся Порсон.

– Да ну, какой из меня боец? Слишком уж я тощий и длинный, чтоб годиться для таких дел. Но когда те психи вдвоем поперли на меня, я вспомнил, что почти весь свой заработок благополучно просадил в покер и теперь ничто не привязывает меня к этому суденышку. Короче, я прыгнул за борт и поплыл к берегу.

– А акулы разве не тронули тебя? – удивился я. – Те воды ведь просто кишат акулами, правда?

– Теперь, когда ты мне напомнил, скажу, что и в самом деле там полным-полно этих тварей. И вообще, нет ничего лучше начитанного парня, чтобы вовремя подсказать старому джентльмену нечто такое, что иначе совсем вылетело бы из головы. Да, там была уйма акул, но еще за много лет до этого случая я успел заметить, что они не особенно спешат полакомиться мною. В тот вечер тварей было так много в воде вокруг меня, что их то и дело приходилось расталкивать руками, дабы пробить дорогу к берегу. И все-таки я наконец ступил на твердую землю, счастливо избежав побоев, которыми грозила стычка с проклятыми пивоварами. Ну а дальше я потопал напрямик в глубь острова и шагал до тех пор, пока не наткнулся на бивачный костер и не учуял запах жареной свинины. Ориентируясь на этот запах, я в конечном счете прибыл в чертоги местного царька. Под его властью было множество деревень, и, когда выяснилось, что я говорю по-английски, парень страшно обрадовался, так как немного знал этот язык и жаждал в нем попрактиковаться. В тот вечер, сидя у костра, я рассказал несколько историй, и они привели царька в такой восторг, что он выделил мне на ночь отдельную хижину – что-то вроде дома для почетных гостей, так бы я ее назвал. А наутро, только я проснулся, глядь – рядом уже стоят двое черномазых, присланных дожидаться моего пробуждения и пригласить на завтрак к его величеству.

Я снова пошел к вождю, и мы вместе позавтракали; а потом весь день, час за часом, я уплетал его кушанья – монарх и сам каждые полчаса подносил ко рту очередные несколько ложек еды, попивая его ликер, который изрядно пахивал дымком, и травил всякие байки. Вот так и беседовали мы с ним по-английски. То есть вождь сидел, курил, пил и слушал, а я сидел, пил, курил и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Это был один из лучших дней в моей жизни. А к концу его туземный владыка сказал, что со мной все будет в полном порядке и что он хотел бы оставить меня при дворе в качестве главного советника, наивысшего старейшины или визиря – как хотите, так и называйте.

Конечно же я не возражал. Такая жизнь меня вполне устраивала – уж куда лучше, чем пить мерзопакостное варево на покинутом мною корабле. Итак, вождь одарил меня рулоном ситца и отправил на ночь в отведенную мне хижину.

Проснувшись утром, кроме слуг, выделенных мне еще накануне, я обнаружил подарок в виде женщины и двух поросят. Свинок я поджарил, а женщину отправил обратно, потому как люблю, чтоб в доме было тихо и мирно, пусть даже дом этот – всего лишь хижина.

Царька немало удивило, что я отверг невесту. Когда я снова появился у него в тот день, его величество выстроил передо мной дюжину маленьких красоток, густо намазанных и раскрашенных с ног до головы да вдобавок еще и с кольцами в губах. Я сказал, что до смерти рад оказанной чести, но только вот в чем дело: на меня наложено колдовское заклятье, и как

только я женюсь, с той самой минуты и до конца дней своих не смогу рассказать ни единой истории. Услышав это, царек мигом прогнал с глаз долой все это стадо. А я уселся на прежнее место и начал первую за то утро байку.

Так продолжалось шесть месяцев, и все это время я как сыр в масле катался, имея все, что только мог пожелать – и из еды, и из питья. Больше того, каждый день я получал подарки – от поросят и рулонов ткани до бус, ружей и патронов. Однажды мне преподнесли настоящее боевое каноэ, а в другой раз – пригоршню великолепных жемчужин. Но проблема заключалась в том, что каждый день я должен был рассказывать какие-нибудь новые истории. Единственной передышкой стала для меня война с соседями, но длилась она всего неделю – до тех пор, пока нашим врагам не надоело выслеживать нас в лесу. Туземцы заключили мир, и мне пришлось вернуться к выполнению своих обязанностей. Мне полагалось травить вождю всякие байки, пока он не уснет, и опять молотить языком, как только он проснется.

Я рассказал ему все истории, какие мне только доводилось когда-либо услышать, и все истории, которые смог сочинить сам. Я повторил ему всю чепуху, уже выданную раньше, конечно же значительно ее приукрасив. Потом я принялся за переработку всего, что мне довелось прочесть в книгах, причем умудрился сделать их в два раза длиннее и запутаннее, чем в оригинале. Но уже тогда я почувствовал, что слова льются из меня все медленнее и медленнее. Наконец я пришел к выводу, что наступит день, когда я исчерпаюсь полностью. И вот он настал. Я сам себе не мог поверить, но это и впрямь случилось. Я открыл рот, собираясь начать обычный треп, и не сумел выдать ни единого слова! Ни единого! Можете себе представить? Я не мог сказать даже: «на следующий день», или «как я уже говорил», или «а теперь вернемся к Биллу, которого мы оставили в ожидании пиратов на опушке леса»... О нет, я не мог издать ни звука, вообще ничего – я и в самом деле выскреб все до дна! Вождь спросил меня, в чем дело, и я ответил, что, должно быть, кто-то, пока я не видел, вытащил из меня затычку и оставил открытым на пару предыдущих ночей, а в результате вытекли все слова до последнего.

Услыхав это, царек широко раскрыл глаза и изумленно вытаращился на меня. А затем он раскрыл также рот и заревел и зарычал. Он вопил, что я всего-навсего жалкий притворщик, а никакой не знахарь, никакой не мудрец. Потом вызвал охрану и велел порубить меня на мелкие кусочки и поджарить на корм свиньям: мол, в сыром виде им такого не одолеть – уж больно тощий и жилистый; кожа да кости, одним словом. Но мне удалось пронырнуть между ногами начальника стражи, и тот повалился наземь, перегородив дверь на время, вполне достаточное, чтобы я мог удрать за пределы досягаемости их оружия. С таким стартом и имея все шансы угодить на вертел, я мчался что было духу до самого берега, далеко обгоняя туземных вояк.

А там я увидел корабль, который бросил якорь в гавани совсем недалеко от берега. Я прыгнул в воду что твоя утица и поплыл к нему. Мне сбросили канат, и я кое-как вскарабкался наверх. И что бы вы думали, я увидел, оказавшись на палубе?

– Что? – полюбопытствовал я.

– А парочку тех самых негодяев, спасаясь от которых сиганул за борт шесть месяцев назад! Они как раз завершили полный круг торгового плавания и теперь стояли передо мной, ухмыляясь, один другого краше – просто передать не могу, до чего обрадовались встрече!

– И что они сделали с тобой?

– Ну, как я уже говорил, боец из меня аховый, – проворчал Лэнки, – так что не стоит упоминать о том, что случилось дальше. Да я и слов-то подходящих не подберу. Но как бы то ни было, вот вам истинная причина, по которой я больше никогда не возьмусь наниматься рассказчиком.

Такая манера повествования типична для Лэнки. Его истории большей частью были вымышленными, но никто не смог бы угадать, что он сочинил, а что происходило на самом деле. И всегда оставалось ощущение, что какая-то часть рассказа *была-таки* правдивой, вот только пойдя разбери, какая именно. После очередного выступления Лэнки мы, бывало, пытались

сообща выделить истинные события из всего только что услышанного, но так-таки ни разу не сумели прийти к единому мнению на сей счет. Единственное, с чем соглашались все, это что Лэнки – самый непринужденный, естественный, мастерский лжец, какой только объявлялся в наших краях.

Вот так шли у нас дела, пока на ранчо не вернулся старик Джефф Порсон и все не испортил. Увидев, что Лэнки сидит в дверях дома для работников, в то время как солнце еще высоко в небе, он первым делом спросил:

– Ты что, отпросился? Взял выходной? Или тебя уволили и ты ждешь, чтобы кто-нибудь подбросил до города?

Глава 3

Бандит

По манере задавать вопросы Лэнки мог бы догадаться, что Джефф Порсон – важная персона на ранчо, но, глядя на его забавную, если не сказать больше, одежду и неказистый вид – впоследствии он признался мне, что никогда раньше не видел столь странно одетого хозяина, – Лэнки спокойно ответил:

– Да нет, я как раз занят своим обычным делом, незнакомец.

– И что же это у тебя за обычное дело, а? – поинтересовался Порсон.

– Размышлять за весь здешний люд.

– А, так ты, значит, мыслитель, вот оно что...

– Точно так же, как знахарь и шаман, – уточнил Лэнки. – Кстати, могу рассказать тебе историю об одном шамане, который вызывал дождь для индейцев сиу.

– И как долго ты занимаешься здесь этим своим делом? – Порсон пропустил мимо ушей предложение Лэнки.

– Почти три недели, братец.

– Будь я проклят, если сегодня не последний день твоего пребывания здесь. Сворачивай вещишки!

– Интересно, кем ты можешь быть, чтоб так командовать, приятель? – задумчиво пробормотал Лэнки.

– Джеффом Порсоном! – рявкнул что есть мочи старик. – Убирайся отсюда! Проваливай! Я тебе покажу шамана!

– Так ты и есть Джефф Порсон?

– Двигай!

– Хорошо, – согласился наконец Лэнки. – Это меня вполне устраивает. Вот только выбраться я отсюда смогу не раньше чем завтра утром.

– Так что, я тебя еще и уговаривать должен? – процедил Порсон сквозь зубы. Он издавна слыл грубияном и скандалистом.

– Я всегда открыт для дискуссии, но сам видишь, как все складывается.

– И как же? – фыркнул Порсон. – Насколько я понимаю, тебе светит одна-единственная возможность – убраться отсюда, да поскорее.

– Но почему? – не унимался Лэнки. – Скажи, ты позволил бы кому-нибудь свидетельствовать в суде, не установив толком, кто он такой?

– Так что же получается?... – протянул Порсон.

– А вот то и получается, – перебил его Лэнки. – Рад бы я тебе угодить, но не могу, пока не удостоверюсь, что ты действительно Джефф Порсон, хозяин этого ранчо.

– Пойди и спросил у повара, ты, кретин! – взорвался старик.

– А, ну теперь-то уж мне все ясно, приятель. Ты – не Джефф Порсон. Никак ты не можешь быть отцом такого замечательного парня, настоящего джентльмена. Отец Дэна Порсона ни за что не обозвал бы кретином безобидного бродягу. Нет, сэр, кем бы вы ни были, вы – не отец Дэна Порсона. И значит, я должен дожидаться его возвращения.

Тут Джефф Порсон окончательно вышел из себя. Старик бросился в дом, схватил винтовку, но тут его увидел повар и отговорил от поспешных, скоропалительных действий. Вдобавок он рассказал Порсону немало хорошего о Лэнки. Тем не менее, когда мы – Дэн и все прочие – возвратились домой на закате того долгого дня, старик Джефф по-прежнему кипел. Лицо его побагровело от гнева, который он тут же и обрушил на беднягу Дэна. Он хотел знать,

что все это значит и с какой стати по двору слоняются всякие лодыри и бездельники, а потом ткнул пальцем в сторону Лэнки и велел немедленно прогнать его со двора.

Хуже всего, что сказано это было в присутствии Лэнки, а тот сидел как ни в чем не бывало на пороге нашего дома и пострругивал ножом какую-то палку, приветственно кивая нам всем поочередно и улыбаясь, как добродушный и ленивый старый бродяга, каковым он, в сущности, и являлся.

Дэн Порсон покачал головой, слегка нахмутив брови, и попытался отговорить отца от столь сурового решения. Но, увы, безрезультатно. Никакие компромиссы не представлялись возможными ввиду того, что приказ Порсона-старшего прозвучал совершенно недвусмысленно и в присутствии Лэнки.

– Послушай, отец, – обратился Дэн к старику. – Это же Лэнки, и любой из нас согласился бы лучше потерять троих опытных работников, чем его одного. Все это время, пока тебя не было здесь, он веселил нас, поднимал нам настроение!

– Так вас нужно развлекать? – взревел старик. – Хорошо, я подниму вам настроение! Я сгоню сюда музыкантов, чтобы эти парни смогли вдоволь повеселиться. Но ты, Дэн, либо прогонишь отсюда этого никчемного пса, либо сам уберешься!

Бац! Именно так это и прозвучало. Порсоны всегда отличались скверным характером, и Дэн был ничуть не сдержаннее своего родителя.

Он тотчас взбеленился и, швырнув шляпу наземь, воскликнул:

– Если я уберусь с ранчо, то никогда больше ноги моей здесь не будет!

– Ну и не возвращайся! И это в благодарность за все мои заботы о тебе...

– Я свое слово сдержу, – не уступал Дэн.

– Довольно, мистер Порсон, – вмешался в их спор Лэнки, – глупо было бы из-за меня разругаться с собственным сыном. Я сейчас же уеду.

– Если уедешь ты, Лэнки, то уеду и я, – с угрозой в голосе заявил Дэн.

– Ну нет, теперь я и сам не позволю тебе остаться, – заорал его отец. – Прочь отсюда, а я лучше найму *кого-нибудь другого*, первого встречного, чтобы управлял за меня хозяйством.

– А я предпочту работать на кого угодно, только не на тебя, – пригрозил Дэн в свою очередь.

Ситуация, как видите, сложилась крайне скверная, и всем нам хотелось бы ее изменить, но не было никакой возможности уговорить эту парочку.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вдруг на краю холма не появился мексиканский мальчишка верхом на лошади и, спускаясь по склону, не прокричал нам:

– Эй! Гринго!

Неслыханное дело! Мы просто ошарашены от такой наглости. Вполне нормально, когда между собой или в своей собственной стране мексиканцы называют американцев «гринго», но чтобы мексиканский юнец обращался подобным образом к целой толпе взрослых американцев! Это нас прямо-таки ошарашило.

Лефти Гинесс стащил с головы шляпу и отвесил нахалу глубокий поклон.

– Чего изволите, сеньор? – издевательски спросил он.

– Нет ли среди вас Дэна Порсона? – как ни в чем не бывало крикнул дерзкий юнец, резко осадив своего мустанга прямо перед нами.

– Я – Дэн Порсон, – отозвался Дэн. – И чего тебе надо?

– Мне – ничего, – ответил мексиканец, – а вот мужчина на той стороне холма очень хочет тебя видеть. Его имя – Том Экер, и он рассчитывает встретиться с тобой один на один!

Да уж, воистину беда не приходит одна. События разворачивались все быстрее. Сперва – стычка Дэна с отцом, а теперь вот заявляется этот душегуб Том Экер, чтобы совсем добить молодого Порсона.

Но что мы могли поделать? Не идти же всей толпой против Экера? Это показало бы, что Дэн Порсон трусил, и навсегда испортило ему жизнь.

Так что, как бы сильно мы ни желали помочь Дэну, нам не оставалось ничего, кроме как стоять в стороне, предоставив бедняге самому разбираться с Экером.

Во всяком случае, могу с удовольствием отметить, что хотя бы одна неприятность на этом завершилась. Я имею в виду глупую ссору отца и сына, которой мигом настал конец.

Джефф Порсон повернулся к Дэну.

– Сын мой, – сказал он, – ни один человек не посмеет тебя осудить, если ты пошлешь такого матерого убийцу, как Экер, ко всем чертям.

– Может, никто другой и не осудит, но сам я себя не прощу. Я поеду на ту сторону и встречу с ним.

Старик неожиданно ухмыльнулся. Занятно было наблюдать, побледневшем от тревоги лице Джеффа мелькнуло едва уловимое удовлетворение и даже почти удовольствие, когда он увидел, что сын не пытается увильнуть от смертельно опасной встречи. Все мы чувствовали то же самое. Мы знали, что Экер убьет несчастного Дэна – уж в этом-то можно было не сомневаться. Но вместе с тем в душе мы хотели, чтобы он непременно пошел и сразился с бандитом.

Но тут заговорил Лэнки:

– Все-таки это несправедливо. Почему ты должен перебираться через холм? Отчего бы и Тому Экеру не пройти половину дороги? Можно устроить так, чтобы он не переходил на эту сторону, а ты – на ту. Ровно на полпути между вами есть подходящее место, и это вершина холма.

Мальчишка-мексиканец уже понесся на своем мустанге через холм докладывать хозяину о готовности Дэна встретиться с ним, и, кинув взгляд наверх, я живо представил обоих дуэлянтов на вершине холма – лицом к лицу, верхом на лошадях; затем – два решительно вскинутых пистолета, выстрел и – Дэна, замертво падающего с седла.

От одной только мысли об этом меня мороз по коже продрал.

Я видел, Дэн тоже прекрасно понимает, что шансов на спасение у него нет. Он помрачнел и стал серым как зола. Нет, скорее – как камень, потому что оставался таким же твердым и непоколебимым.

– Побудь здесь еще минутку, – попросил Лэнки, – а я переберусь через холм и попробую уговорить Экера встретиться с тобой на полпути между вами.

Не дожидаясь ответа, он начал подниматься по склону. И когда фигура Лэнки завиднелась на вершине холма – на фоне неба, озаренного золотом уходящего солнца, – стало видно, как он остановился, свернул сигарету и, прикурив ее, зашагал дальше, вниз, постепенно исчезая из поля зрения. Только клубы табачного дыма, высоко поднимавшиеся над головой Лэнки, выдавали, в какую сторону он идет.

Мы застыли в ожидании. Над ранчо повисла настолько мрачная и гнетущая тишина, что Лефти, пытаясь разрядить обстановку, стал рассказывать, как тяжело пришлось ему потрудиться днем, вытаскивая корову из глубокой трясины. Мы все старательно притворялись, будто слушаем с интересом, – все лучше, чем хмуро и напряженно стоять в зловещем молчании, ожидая неведомо чего.

И тут, словно молотом по голове – *банг!* – прогремел выстрел! А следом – еще один! И тут же – топот копыт мчащейся на полном скаку лошади!

Глава 4

Несчастный случай с Экером

Мы просто окаменели – можете себе представить, что творилось у каждого в душе. Все, что мы чувствовали в этот момент, выразил Дэн:

– Если Лэнки получил то, что по праву причиталось мне...

Вот и все, больше – ни слова. Дэн и так процедил это сквозь зубы, но все поняли, что он имеет в виду: коли и в самом деле из-за этого убийцы Тома Экера с Лэнки случилась беда, Дэн постарается настичь его и жестоко отомстить!

Но не успел молодой Порсон ступить и шагу, как на вершине холма вырисовалась одна из самых забавных картин, когда-либо виденных мною: великий Том Экер, собственной персоной, верхом на стройной породистой лошади – сплошь серой, до самого кончика хвоста, с длинными тонкими ногами, словно одетыми в чулки из темного шелка, и с черной уздечкой. Более изящной и утонченной лошадки вам не удалось бы найти – хоть целый год разъезжайте по всей округе.

Экер управлял ею при помощи коленей, а левой рукой поддерживал запястье высоко поднятой правой. Следом вразвалочку, широким и неторопливым шагом выступал Лэнки. То, как они перебирались через холм и спускались по склону, породило в моем уме такое сравнение: старый тощий бык с выпирающими наружу ребрами лениво тащится за грациозным и величественным горным львом. Все в облике Тома Экера указывало на необычайные ловкость, изящество, быстроту, а также – на таящуюся в нем грозную и опасную силу.

Издалека было видно, как Лэнки недоверчиво трясет головой, словно никак не мог оправиться от изумления. Наконец, подобравшись поближе к нам, он прокричал:

– С Экером произошел несчастный случай. Он поранился, Дэн, и никаких проблем не будет. Пусть кто-нибудь из ребят поживее смотается в дом за сумкой с медикаментами. Надо сделать перевязку!

Старый Джефф Порсон сам помчался в дом. Прославленный Том Экер, проезжая мимо нас, сидел в седле величаво, как король, а его красивое смуглое лицо не повернулось ни на дюйм – казалось, что он просто никого не замечает. Мы толпились сзади, не говоря ни слова и лишь недоуменно поглядывая друг на друга. Когда мы дошли до дома, Экер уже исчез внутри, чтобы перевязать руку, а за ним туда же направился и Дэн Порсон. Лэнки остался с нами и объяснил, что произошло.

– Самая распроклятая штука, какую мне только доводилось видеть, – начал он, покачивая головой и несколько раз моргнув. – Перебравшись через холм, я увидел, как мальчишка-мексиканец втолковывает что-то Тому Экеру, а тот с совершенно великолепным и гордым видом пожимает плечами в ответ. Я подошел поближе и обратился к Экеру без всяких церемоний: «Послушай, Том, почему бы вам с Дэном не подняться на вершину холма, чтобы представление происходило в таком месте, где всякий сможет увидеть, что и как?»

А он, слегка поворотясь в седле в мою сторону, так и выпалил: «Кто это решил, будто я дважды стану повторять одно и то же?» Тут он проделал ловкий фокус со своим пистолетом – выхватил его Бог весть откуда в мгновение ока, наверное, хотел меня напугать. Готов спорить, вы ни в жизнь не видали ничего подобного. Я и глазом моргнуть не успел, а он уже вытащил здоровенный кольт. Очень искусный трюк, но почему-то револьвер запутался в рукаве куртки. Что ж, и такое порой случается один раз на десять миллионов. Зацепившись, кольт выстрелил, отчего руку вывернуло, и револьвер врезался ударником в запястье, проделав в нем довольно серьезную рану, уж за это-то я могу ручаться! После этого пушка выскользнула и,

отлетев, стукнулась о землю на довольно приличном расстоянии. И снова – *бабах!* Видите, каким вспыльчивым бывает порой этот чертяка кольт!

Едва Лэнки добрался до конца этой поразительной истории, мы засыпали его множеством вопросов, а он отвечал сразу, ни на секунду не задумываясь. Вдруг двери дома распахнулись, и оттуда вышли оба Порсона вместе с прославленным Томом Экером.

Не каждый день удастся взглянуть на парня вроде Экера с такого близкого расстояния. Грандиозное зрелище! Я имею в виду, что невольно восхитился, глядя, как ладно он скроен, как гордо и величаво сидит на крепких, широких плечах голова, как легок и пружинист его шаг. Но сам Экер, похоже, в тот момент не особо гордился собою. Крепко сжатые губы побелели, а в глазах полыхал неистовый дьявольский огонь. Казалось, стоит этому пламени вырваться на волю – вмиг сожжет дотла любую человеческую жизнь.

Экер подошел к своей серой красавице и, коснувшись холки левой рукой, легко, как пушинка, взлетел в седло. Носки его сапог так точно вошли в стремя, как если бы каждая нога обладала собственным умом и глазами.

Экер, подбирая поводья, смотрел куда-то вдаль поверх кобыла повернула к нему голову, показывая, как сильно любит своего хозяина и готова возить его с большей радостью, чем любого короля.

Смертоносный взгляд прошелся по нашим напряженным лицам, как будто Экер хотел навеки запечатлеть в памяти каждого.

Аккуратно перебинтованные правую кисть и запястье он бережно прижимал к груди. Но все же подобная рана не могла вывести из строя великого Тома Экера – если все, что он нем рассказывали, было правдой. А говорили, будто левой рукой он обращается с оружием не менее ловко и умело, чем правой!

Но каковы бы ни оказались возможности левой руки Тома Экера, в тот вечер он не стал их нам демонстрировать, а только спросил Дэна:

– Ты – Дэн Порсон, так?

– Да, – последовал ответ.

– Я – Том Экер, – запоздало представился бандит. – Сегодня расклад не в мою пользу, но я еще вернусь за тобой, Порсон. Хочу, чтобы ты не забывал об этом!

Не успел Дэн хоть слово сказать в ответ, Экер повернулся и, ткнув указательным пальцем в сторону Лэнки, сказал:

– А с тобой, Лэнки, я бы не прочь обменяться еще парой слов.

– Само собой, – любезно кивнул тот и длинными шагами поспешил за кобылкой Тома Экера. Серая красавица понесла хозяина вверх по склону, а он не удосужился сказать нам ни «до свидания», ни «спасибо» – за доброе обхождение и заботу о раненой руке.

Когда они удалились от нас шагов на тридцать – сорок, Экер остановил лошадь и что-то сказал Лэнки.

Говорил он быстро и энергично, низко склонившись в седле, а Лэнки как будто извинялся, судя по жестам и виноватым пожатиям плеч.

Затем Экер легонько тронул шпорами кобылицу, и она вихрем помчалась вдаль, да так, что грива и хвост развевались на скаку почти горизонтально. А Экер сидел в седле так изящно и гордо, как сумеет разве что один человек из десяти тысяч.

Как раз в тот момент из дому вышел старик Порсон.

– Что этот никчемный бродяга Лэнки сделал с Экером? – проворчал он.

– Ничего, произошел всего-навсего несчастный случай, – печально сказал Дэн Порсон. Последние слова бандита, верно, все еще звучали у него в ушах. – Экер хотел напугать Лэнки, но револьвер зацепился и отскочил, поранив ему руку ударником. Вот и все.

– Все? – воскликнул Джефф Порсон. – Ты и вправду веришь, что это все? – И, покачивая головой, он со странной ухмылкой добавил: – Однако такой ерунды оказалось достаточно,

чтобы маленький мексиканский наглец бросился наутек, спасая свою шкуру. А парней вроде него – из молодых да ранних – обычно не пугают несчастные случаи!

Слова старика заставили нас по-новому взглянуть на происшедшее. Я увидел, как старшие работники понятиливо закивали, бросая друг на друга многозначительные взгляды.

Затем вернулся Лэнки. Его безобразное лицо, казалось, еще больше перекошено, чем всегда.

– Свяжись вот с такими людоедами, – проговорил он озабоченно, – и нипочем не угадаешь, когда они взбеленятся и когда кровь у них закипит. Что бы, вы думали, он хотел сказать мне вон там?

Увидев наши недоуменные взгляды, Лэнки продолжал, сокрушаясь:

– И с чего весь сыр-бор? Просто из-за того, что я стоял рядом, когда с Экером приключилось несчастье. Но он обвиняет в этом меня, черт его подери! И обещает рассчитаться со мной. Со мной! Но почему? Что я ему сделал?

– Где он мог так хорошо и быстро выучить твоё имя, Лэнки? – неожиданно спросил Лефти.

– Я сам ему представился. Это – первое, что я сделал, перебравшись через холм. Запомните, первейшая мера безопасности, коли вы повстречались с бандитом, – быстренько назвать своё имя. Иногда это может уберечь от удовольствия схлопотать пулю по ошибке. Но теперь, видать, мне остается одно – сматывать удочки и поскорее убираться отсюда, пока Экер не вернулся обратно и не устроил в мою честь салют из пары кольтов. Так что я сейчас же сворачиваю одеяло и... Но, черт возьми, у меня ведь нет своего одеяла! Значит, просто выведу из конюшни мустанга и тут же дам деру.

– Иди в дом, Лэнки, и заведи одеяла, которыми здесь пользовался, – остановил его Дэн Порсон. – Они – твои. Но зачем тебе ехать прямо сейчас, на ночь глядя? Да и вообще, стоит ли уезжать? Для нас ты – просто находка, Лэнки. Ты приносишь удачу. Нам будет очень тебя не хватать.

– Весьма любезно с твоей стороны, – заметил Лэнки.

Он повернулся и выжидающе посмотрел на старого Джеффа Порсона.

Тот, опустив голову, буркнул:

– Иди и возьми одеяла. Они – твои, как сказал Дэн. Но я не буду уговаривать тебя остаться. Кто знает, может, ты больше несчастий на нас навлечешь, чем принесешь удачи, если застрянешь тут...

– Что ты хочешь этим сказать, земляк? – осведомился Лэнки, нарочито растягивая слова.

– Ты сам все прекрасно понимаешь, и я не стану ничего объяснять, – ответил старик.

В сгущающихся сумерках Лэнки быстро зашагал к дому для рабочих. Когда он уже добрался до двери, навстречу вышел повар и громко ударил в большой обеденный колокол, приглашая всех к столу.

Джефф Порсон вдруг хитро подмигнул:

– Эй, парни! Кто хочет увидеть забавную штуку, идемте за мной. Но, чур, осторожно! Ступайте мягко, без всякого шума. А лучше снимите ботинки, если хотите кое-что увидеть. Эй, кок, – скомандовал он повару, – продолжай бить в колокол, понял?

С этими словами – в то время как повар и дальше вызванивал обеденный сигнал – старик направился к дому, а за ним, крадучись, и все остальные.

Остановившись у порога и осторожно заглянув в дверь, мы увидели вытянутый силуэт Лэнки, занятого свертыванием и укладыванием подаренных ему одеял.

Джефф Порсон легонько оттолкнул нас в сторону и заорал что есть мочи:

– Руки вверх, черт тебя подери!

Прокричав это, он и сам отскочил от двери, спеша укрыться.

В полумраке комнаты как будто черная молния промелькнула. Это был Лэнки. Как я говорил, он всегда казался невероятно медлительным и неуклюжим. Так оно и было... в обычных условиях. Теперь же, едва услышав дикий вопль старика Порсона, Лэнки в мгновение ока превратился в ловкого и стремительного горного льва. Он прынул наискосок от двери и ничком приземлился на пол. Но до того, как Лэнки принял это положение и еще кувыркался в воздухе, выстрелил его пистолет. Пуля пролетела сквозь дверной проем и со свистом вспорола воздух в доле дюйма от моего уха. Честно говоря, я до сих пор вздрагиваю при одном только воспоминании об этом!

Мы все изумленно вытаращились друг на друга. Проклятое лязганье обеденного колокола прекратилось, как только грохнул выстрел, а затем я увидел, что старый Порсон покачивает головой с таким видом, словно бы он чем-то весьма доволен.

Глава 5

Ночная встреча

Минутой позже у него появились все основания расстаться с изрядной долей самодовольства, так как из дверей дома выскочила долговязая фигура Лэнки. Он догнал меня, сгреб обеими руками под локти, и я увидел прямо перед собой искаженное болью и страхом лицо.

– Пуля не зацепила тебя, сынок? – с тревогой в голосе спросил меня Лэнки.

– Она просвистела рядом – у самой щеки, обдав ее струей воздуха, – все еще дрожа, ответил я, – но никакого вреда не причинила.

– Слава Богу! – облегченно вздохнул Лэнки. Отпустив меня, он приложил руку ко лбу. – Минутку...

Лэнки обернулся и голосом, в котором явственно звучали металлические нотки, потребовал ответа:

– Кто кричал «руки вверх»?

Мы молчали. Ни единой улыбки вокруг – еще бы! Потом, немного помедлив, откликнулся-таки Джефф Порсон:

– Ну, земляк, это был я.

– Ты? Это ты крикнул? – переспросил Лэнки, не скрывая удивления.

Он подошел к Джеффу Порсону поближе и остановился перед ним – высокий, прямой, собранный. От былой неповоротливости не осталось и следа. Даже голос звучал, как никогда, твердо и жестко.

– Все это напомнило мне одну историю, – отчеканил Лэнки, – но историю слишком длинную, чтобы рассказывать ее сейчас. Она – о куче балбесов, и самым большим дураком из них оказался старший.

Смелый разговор, ничего не скажешь! Да, таких слов старому Порсону давненько не приходилось слышать, уж будьте уверены. Он не нашел что ответить и только плечами пожал.

Лэнки резко развернулся и зашагал к конюшне. Мы же потопали к дому, собираясь наконец поужинать, и по дороге никто не проронил ни звука.

Мы как раз умывались под насосом, когда Лэнки, притрусив на медвежьей, как он ее называл, лошади, остановился сзади и соскользнул с седла. Он обошел всех нас по кругу, каждому пожимая на прощанье руку. Я спросил, не останется ли он хотя бы поужинать напоследок, но Лэнки отрицательно помотал головой.

– Тень смерти коснулась меня, – сказал он, и улыбка исчезла с некрасивого, но такого знакомого лица.

Проходя мимо Джеффа Порсона, Лэнки пропустил его, не подав руки.

Надо отдать должное старику Джеффу – на сей раз он повел себя как настоящий мужчина, к чему у него, впрочем, хватало оснований.

– Я был не прав, Лэнки, – признался он. – Я был чертовски не прав, и прошу меня простить.

– Все в порядке, – кивнул наш долговязый друг, – чего я никак не мог бы сказать, лежи сейчас наш юный Грэй носом в землю с пробитой головой.

Дэн Порсон в последний раз попытался уговорить Лэнки остаться с нами, но тот ни в какую не хотел задерживаться – даже просто поесть. Лэнки заявил, что ему пора отправляться в дорогу, и через десять секунд уже следовал по ней. Старый мустанг враскачку заковылял вверх по склону холма, постепенно растворяясь в сумерках вместе с хозяином.

Как только мы расселись за обеденным столом, слова так и хлынули потоком – особенно после первой порции жареного мяса с картошкой.

И естественно, весь разговор вертелся вокруг Лэнки.

– У меня, – заметил Джефф Порсон, – сразу мелькнула мысль, что он явно не тот, за кого себя выдает, и, чем черт не шутит, даже способен противостоять Тому Экеру. Я хотел вывести парня на чистую воду, но сами видите, что из этого вышло. Я предполагал, что пороху в нем немало, но и представить себе не мог, что его окажется так много и малейшей искорки достаточно для взрыва. Да, моя шутка, наверное, и в самом деле получилась глупой. Но зато теперь мы знаем, каким образом Том Экер поранил руку и каким образом *мог* с тем же успехом получить и дыру в голове!

Все немедленно согласились со стариком, и лица ребят помрачнели. Что касается меня, то я поглощал ужин в полнейшем тумане – та пуля пролетела слишком близко от моей головы! И кроме того, перед глазами все еще стояла изумительная сцена, разыгравшаяся не так давно в полумраке комнаты: я имею в виду мгновенное превращение неуклюжего долговязого Лэнки в проворную дикую кошку, стремительный полет от дверного проема и превосходящий всякое воображение выстрел из пистолета – ведь Лэнки стрелял еще в воздухе, но прицелился так точно, что у меня в ушах до сих пор не смолкал свист чудом минувшей голову пули.

Я снова и снова возвращался в мыслях к этому необычайному событию. И той ночью, и в последующие три или четыре дня на ранчо ни о чем так много не говорили, как о загадке Лэнки и о том, кем он мог быть на самом деле. Насчет его богатого приключениями прошлого сомнений ни у кого не было. Ни один человек не смог бы воспользоваться пистолетом так ловко, да еще и таким способом, который продемонстрировал нам Лэнки, не имея за плечами длительной практики, и практики, скорее всего сопряженной со знанием, что вся твоя жизнь зависит от искусства обращения с оружием, от скорости и точности стрельбы.

После того случая я для себя решил, что никогда больше не осмелюсь судить о человеке по внешнему виду.

Прошло четыре дня с того вечера, как Лэнки покинул нас, когда со мной случилось происшествие, которое стоит того, чтобы о нем рассказать. Весь день я был занят объездкой маленького пегого мустанга. Это был сущий дьявол – норовистый, непокорный. Настоящий сгусток энергии! Все отзывались о нем как об очень ненадежном и непредсказуемом коне. Я хотел сам убедиться в этом, так как мне казалось, что в действительности мустанг не так плох, как о нем говорили; просто избыток энергии рвался наружу, требуя выхода и превращая его в горячего и раздражительного коня, как только на спине оказывалось седло. Парни с ранчо продолжали безуспешно приучать маленького мерина к узде и шпорам, пока это не стало настолько же невыполнимой задачей, как убедить кошку прогуляться по раскаленной плите. Так что, когда и я, в свою очередь, попытался поработать с этим дьяволенком, весь день превратился в мучительное испытание. К концу его я чувствовал себя измотанным и обессиленным до предела. Но кое-каких успехов я все-таки достиг! Дважды я вылетал из седла, крепко ударяясь о землю, так как наездник из меня довольно посредственный, но зато проникся глубокой симпатией к не в меру энергичной лошадке, и постепенно, сами собой, произошли кое-какие сдвиги в лучшую сторону. В конце концов, я всегда считал: то, что лошадь узнает о тебе, не менее важно, чем то, что ты узнаешь о ней.

Как я уже говорил, день выдался на редкость тяжелый, и когда к вечеру я привел мерина домой, он настолько изнемогал от усталости, что я решил поставить его в конюшню, а не отгонять на пастбище. После ужина все стали укладываться спать, а я вдруг вспомнил эту перепуганную, изнервничавшуюся животину и вернулся в конюшню почистить беднягу. Придя туда, я обнаружил, что мой маленький измученный мерин все еще не оправился от дневных испытаний и весь, с ног до головы, покрыт холодным потом, способным изгнать дух из тела, в отличие от здорового горячего пота, который всего лишь сгоняет лишний вес. Я протер коня насухо, и бедняжка пегий, поняв, что я хочу утешить его и вовсе не собираюсь наказывать за дневные промахи и ошибки, вдруг превратился в самую изумленную, кроткую маленькую лошадку на

всем белом свете. Он вертел головой, приносясь ко мне, а потом даже зашел в проявлении нежности и признательности так далеко, что легонько куснул мои волосы!

До сих пор он ни разу так и не прикоснулся ни к сену, ни к ячменю, но перед моим уходом сосредоточенно склонил голову над кормушкой, а вслед мне раздалось тихое благодарное ржание, словно конек предлагал еще немного побыть вместе.

Я шел к дому, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете и в то же время немного печалюсь – любого приведет в уныние мысль о том, как много несчастий и невзгод мы рассеиваем вокруг себя непрерывно, тратя на это массу времени и сил, и как много радости и счастья могли бы мы получить легко и просто, потратив лишь половину этих усилий. Не то чтобы я так уж всерьез принялся философствовать, но все-таки, вспоминая пегого, я искренне и от всего сердца поклялся, что никогда не буду жесток с лошадьми, напротив, с каждой из них стану обращаться бережно и любовно. Внезапно почти у самого дома что-то промелькнуло перед моими глазами и скрылось за огромным бревном – стволом поваленного ветром дерева.

Это мог быть волк или даже горный лев. Но я до смерти перепугался, так как мне показалось, что, несмотря на размеры, в темноте мелькнул *не* зверь, а человек.

Мне было страшно проходить мимо громадного бревна, но я решил, что непременно должен сделать это, иначе мой личный, тайный счет удач и поражений пополнит еще одна черная метка, а их и без того было предостаточно. Еще несколько таких отметин – и я имел бы все основания считать себя презренным трусом!

Итак, я собрался с духом, вытащил кольт и, дождавшись, пока не почувствую в руке его холодную тяжесть, упрямо зашагал к бревну. Подойдя, я услышал, как совсем рядом чей-то вкрадчивый, тихий голос шепнул:

– Не стреляй, малыш!

От этих слов по всему моему телу пробежал электрический ток, взорвавшись искрами дикого ужаса, но я быстро сообразил, что прозвучали они легко и просто, без всякой угрозы.

Передо мной на фоне звездного неба неожиданно возник силуэт высокого и широкоплечего мужчины.

– Лэнки! – изумился я.

Он приблизился и, тронув меня за руку, сказал:

– Прости, Нельс. Я чертовски сожалею, что позволил обнаружить себя. Но хочу тебя успокоить: я здесь вовсе не для того, чтобы кому-нибудь навредить.

– О, я знаю, Лэнки! – воскликнул я. – Не такой уж я дурак.

– Ты славный малый, Нельс. Давай-ка отойдем подальше от дома, ладно?

Я пошел за ним, так терзаемый любопытством, будто множество иголок впивалось в мой мозг.

Лэнки я обнаружил по чистой случайности и настолько внезапно, что меня охватили страх и трепет. Стоило лишь подумать о человеке, прячущемся недалеко от нас и, как одинокий волк, скитающемся во тьме и холоде ночи.

Мы подошли к широкому пню. Лэнки сел, взмахом руки пригласив меня сделать то же самое. Я устроился рядом.

– Закуришь? – спросил Лэнки.

– Нет, – ответил я. – Я слишком взволнован и до сих пор нервничаю, а потому вряд ли сумею свернуть сигарету.

Довольно хихикнув, Лэнки насыпал табаку на бумагу, а затем я услышал легкие шорох и потрескивание.

– И отчего же ты нервничаешь, братишка? – полюбопытствовал мой долговязый собеседник.

– Как это отчего? Из-за тебя, конечно. Из-за того, что ты так неожиданно выпрыгнул прямо из темноты. По-моему, вполне достаточно, чтобы перепугаться не на шутку!

– Да у тебя просто море бесстрашия, Нелли, – снова захихикал Лэнки, опять вытащив на свет Божий проклятое прозвище, данное мне им самим в не столь отдаленные времена. – Нет, у тебя целый океан бесстрашия и силы духа, иначе ты ни за что *не признался бы*, что испугался. А именно скрытый страх, тот, что человек подавляет, загоняя глубоко внутрь, в конце концов замораживает и умерщвляет его душу!

Я задумался над этими словами. А Лэнки прикурил сигарету, и я заметил то ли искорку, то ли крохотный лучик света, пробившийся сквозь сомкнутые ладони, которыми он прикрывал огонек. На краткий миг лицо Лэнки осветилось, смутно проглянув сквозь облако дыма.

Тощее, вытянутое, да еще изуродованное лицо... что можно было разобрать на нем? Возможно, Лэнки чист как стекло. Но почему-то в голову лезли самые дикие и ужасные догадки о его прошлом, непременно связанные с кровью и убийствами. Да, картины льющейся крови всегда возникали у меня в уме, когда я думал о прошлом Лэнки.

– Я хотел бы потолковать с тобой кое о чем, малыш, – начал наконец Лэнки. – Не возражаешь?

– Нет, давай поговорим.

– Скажи, как тут сейчас обстоят дела?

– На ранчо? – удивился я. – Все нормально. А с чего бы вдруг...

Он резко оборвал меня:

– Да неужели вы не видите, что все силы ада ополчились против этого ранчо? – Лэнки остановился так же внезапно, как и начал, – аж нервно клацнули зубы. – Хорошо, – обронил он, немного помолчав. – Я рад, что все в порядке.

– Но объясни мне, что должно случиться? – спросил я.

– Знато б дело, стал бы я ползать здесь среди ночи? Расскажи-ка мне лучше о Джеффе Порсоне. Как он себя чувствует? Аппетит не потерял?

– Нет, по крайней мере не настолько, чтобы я мог заметить. Старик всегда съедает вдвое больше любого работника, хотя и сделать успевает вдвое больше любого из нас, должен заметить.

– Стало быть, он ничего не знает и ни о чем не подозревает. Что ж, и это неплохо. – Он вдруг поднялся. – Сделаешь для меня кое-что, малыш?

– Ну, – неуверенно протянул я, – пожалуй, да, Лэнки. Во всяком случае, постараюсь.

– Значит, говоришь, все идет нормально?

– Да, насколько я могу судить.

– Тогда сделай милость, поспособствуй тому, чтобы *и дальше* все шло нормально.

– О чем ты? Объясни толком!

– Забудь, что видел меня здесь. Не говори никому, ни единой душе, что столкнулся тут ночью со стариком Лэнки. По рукам?

Секунду поколебавшись, я кивнул:

– По рукам.

– Я всегда знал, что ты хороший малый, – объявил Лэнки прямо мне в ухо, – а теперь окончательно в этом убедился. Я верю тебе и буду верить впредь – что бы там ни произошло!

Я повернулся было, собираясь задать еще пару вопросов, но Лэнки уже ушел и очень скоро скрылся из виду, растворившись среди молодых тополей.

Глава 6

Приглашение

Может показаться, что эта последняя, краткая встреча с Лэнки недостаточно важна и не стоило бы писать о ней, но было во всем этом нечто особое, и оно-то никак не давало мне покоя. Тайна прошлого Лэнки – вот что разжигало мое любопытство!

Джефф Порсон к тому времени успел навести о нем справки, где только можно. Он специально ездил в город и говорил с шерифом. Снимок, на котором один из наших парней как-то раз в числе прочих запечатлел и Лэнки, Порсон разослал буквально повсюду. Множество самых разных начальников – и полицейских участков, и отрядов приграничной полиции – видели эту фотографию, но не смогли ничего сказать о нашем таинственном знакомце. Он нигде и ни во что не был замешан, нигде и ни в чем себя не запятнал! Нет, не тянулось за ним никакого темного прошлого! Тем не менее Порсон получил три письма, чьи авторы, взглянув на снимок, сочли, что когда-то уже видели Лэнки – его лицо не из тех, которые легко забыть. Все трое заявляли, что, несомненно, где-то уже встречали парня с таким странным, искривленным лицом.

Но все же поиски ни к чему не привели – мы оставались практически в том же неведении. Мы знали только, что наш долговязый ленивый болтун, всеобщий любимец, весельчак и балагур Лэнки был на самом деле сущим дьяволом в том, что касалось обращения с оружием, а также человеком, умеющим за себя постоять. Мы почти не сомневались, что это его выстрел вышиб револьвер из руки прославленного Тома Экера, а Джефф Порсон заходил в предположениях и того дальше. Он считал, что, должно быть, Экер не впервые видел Лэнки, а хорошо его знал, ведь в тот день, когда эти двое встретились по ту сторону холма, на разговоры совсем не оставалось времени – стрельба началась немедленно!

– Где же Том Экер мог с ним познакомиться? – озабоченно вздыхал Джефф Порсон. – Бандит неожиданно появляется то в одной, то в другой части штата, и кто может угадать, где их дорожки пересеклись?

Но тут нас ждал очередной тупик. Поскольку Том Экер – из тех, кто пропадает часто и надолго, он мог встретить Лэнки не только в наших краях, а где угодно. Порой рассказы о нем доходили к нам с севера – из Канады, порой – с юга, из Мексики. Случалось, истории о похождениях Экера привозили даже из Чили и Аргентины!

– Вряд ли пустяковая царапина напрочь лишила Тома Экера энергии и боевого задора, – говаривал старик Джефф. – Он одинаково свободно владеет оружием обеими руками и потерял лишь один пистолет. Но, столкнувшись с Лэнки, моментально признал преимущество противника и предпочел отступить. Да, ребята, уж поверьте мне, этот Лэнки куда круче и искуснее самого Экера – великого и знаменитого Тома Экера! Реальные факты, о которых этот малый мог бы поведать нам, если б захотел, наверняка оказались бы куда более захватывающими и необыкновенными, чем все те байки, которыми он потчевал вас здесь три недели!

Два или три раза я чуть не проболтался о своей ночной встрече с Лэнки недалеко от нашего дома и только чудом успевал вовремя прикусить язык. Представляю, какая бы всех дрожь пробрала, узнай они, что Лэнки где-то рядом!

Самого же меня это обстоятельство заставило чутко спать теперь по ночам и весь день держать ухо востро.

За следующие несколько недель я извел патронов Бог знает на сколько долларов. Мой старенький крупнокалиберный кольт просто не знал передыху. Если я не стрелял по пням, мимо которых рысцой проезжал на лошади, то тренировался как можно быстрее выхватывать пистолет из кобуры, пока вконец не изодрал кожу на руках.

Но я не обладал талантом проделывать все это играючи. Я был неплохим, но посредственным, всего лишь второсортным стрелком, и не более того. Стоило чуть-чуть поторопиться – и я непременно мазал или в лучшем случае едва задевал край выбранной мишени. Для точной стрельбы мне требовался определенный запас времени, а его-то никогда не бывает на Диком Западе, когда вдруг начинается пальба. В таких случаях цель, как правило, находится рядом с тобой и победителем выходит тот, кто скорее на руку, даже если он опередил противника всего на тысячную долю секунды.

Тем не менее все эти дни во мне сидело предчувствие, что над нами нависло что-то ужасное и лучше поддерживать хорошую форму, дабы справиться с этим, когда настанет время. Так что я продолжал всю жечь порох и рассеивать по округе пули.

И беда не заставила себя долго ждать. Однажды она уселась вместе с нами за обеденный стол, и каждый обитатель ранчо немедленно увидел ее ужасное лицо. Явилась беда с почтой, за которой мы ежедневно посылали кого-нибудь к почтовым ящикам, прибитым к изгороди у перекрестка, в трех милях от ранчо. Проезжая мимо, почтальон оставлял там всю нашу корреспонденцию. И хотя большинство из нас вряд ли получало больше трех писем в год, мысль о возможном послании с утра наполняла наши души надеждой, а по вечерам заставляла понурить головы тех, для кого не пришло никаких известий.

В тот день пришло письмо Дэну Порсону, и он, как было принято на ранчо, вскрыл конверт прямо за столом. Я помню, как Дэн развернул его и, взглянув на штамп, сказал:

– Из Кэтхилла!

Это восклицание крепко остудило наши головы, уж будьте уверены, ибо Кэтхиллом назывался тот самый городок, где чаще всего околачивались братья Экеры.

Сначала Дэн, хмурясь, прочел письмо про себя, а затем и вслух.

Звучало оно приблизительно так:

«Дорогой Дэн Порсон! Как-то раз, несколько недель назад, я уже пытался встретиться и поговорить с тобой, а теперь хочу знать, не желаешь ли сам выбраться из дому и навестить нас.

Я не единственный, кто был бы рад повидаться с тобой. Мой брат уже поправился, и я частенько слышу, как он поминает твое имя.

В среду вечером здесь состоится вечеринка с танцами. Неплохо бы и тебе на нее приехать. Все ребята очень обрадуются тебе, как и девчонки.

Поскольку мы шлем это приглашение вдвоем с братом, почему бы и тебе не прихватить с собой приятеля? Лично я предложил бы Лэнки, но бери, конечно, кого сам пожелаешь!

Искренне твой

Томас Экер».

Закончив читать, Дэн Порсон опустил голову, уставился в тарелку и стал нервно крошить лежавший рядом с ней хлеб.

Мы все переглянулись.

– Будь Лэнки здесь, я *попросил бы* его поехать со мной, – сказал Дэн. – Но Лэнки нет.

Он снова принялся крошить хлеб. А я увидел, как несколько вилок неподвижно застыли в воздухе, – их хозяева явно не смели шевельнуться и сунуть еду в рот. Каждого до смерти пугало, что *именно его* могут попросить откликнуться на только что полученное приглашение!

Меня это не беспокоило – я был самым младшим. Но мысль о нависшей над чьей-то головой опасности словно бы обдала меня могильным холодом, заставив вздрогнуть.

И тут Дэн проговорил:

– Ну, хорошо, может, кто-нибудь поедет-таки со мной? Как насчет тебя, Нельс?

Я так вжался в сиденье, что голова в плечи ушла.

Здоровила Лефти сидел как раз напротив меня, и я увидел, что он ухмыляется. Впрочем, скорее сочувственно, чем со злорадством.

– А, ладно, все нормально, Нельс, – отмахнулся Дэн Порсон. – Я не буду тащить тебя на подобное представление.

«Это очередная проверка того, на что я гожусь, – сказал я себе, – и на сей раз нужно встретить ее достойно.

Никаких уверток! Я поеду на треклятую вечеринку – пусть даже и выставлюсь там трусом или дураком».

А поскольку надо было хоть как-то отреагировать на предложение, я выпрямился и изрек:

– Знаешь, Дэн, я вовсе не претендую на роль какого-нибудь там героя. И не стану притворяться, будто я – тот, кто тебе нужен. Но если ты и в самом деле хочешь, чтобы я ехал, я поеду.

По-прежнему не отрывая глаз от стола, Дэн ответил:

– Отлично, Нельс. Глядя на других наших парней, никак не скажешь, чтобы они провели уйму времени на танцах. Беседа со стаканом виски у стойки бара – пожалуй, все, на что они способны. Но ты, Нельс, ловко работаешь ногами. Отправимся вместе и будем вести себя так, будто решили хорошенько поразвлечься и весело провести время.

Он слегка отодвинул стул от стола и расхохотался, но визгливо и неестественно, после чего добавил:

– Это письмо заменит мне ужин. Я и так сыт по горло. Так что пойду-ка лучше подышу свежим воздухом.

Дэн поднялся и ушел, а я продолжал есть, старательно отгоняя прочь мысли о предстоящей поездке и притворяясь, будто ужасно голоден.

Но очень скоро я обнаружил, что нож и вилка застыли у меня в руках, а сам я сижу, отрешенно уставясь в пустоту перед собой, и эта пустота вдруг наполнилась призрачной музыкой, шорохом и шуршанием ног, скользящих по полу большого танцевального зала. А потом из легкой, приятной дымки неожиданно возник Том Экер с нацеленным на меня револьвером!

Это было всего лишь мимолетным видением, но для меня в тот миг оно выглядело реальнее действительности.

А затем сквозь туман я разглядел Лефти. Парень заворуженно глядел на меня, хлопая ресницами.

– Я все понимаю, малыш, – пробурчал он. – Это – сущий ад!

– Еще бы! – воскликнул я от всего сердца.

Глава 7

К Этхилл

Наступила среда, и я, естественно, ожидал, что Дэн Порсон или его отец предложат мне привести себя в порядок перед вечеринкой, а заодно подготовить и почистить оружие. Ничуть не бывало! Порсоны, похоже, относились к нависшей над нами угрозе как к чему-то самой собой разумеющемуся и держались как ни в чем не бывало. О чем они только думали? Ведь все понимали, что Экеры задались целью прикончить молодого Порсона и любого его спутника.

Нет, создавалось впечатление, будто их это нисколько не колышет. Вот только Дэн подошел ко мне на рассвете того дня и сказал:

– Послушай, Нельс... Ты должен знать, что вовсе не обязан ехать со мной сегодня вечером, если сам того не хочешь. Понимаешь меня?

– Пропустить такую вечеринку? – притворно возмущился я. – Отказаться от удовольствия увидеть перед собой целое стадо миленьких маленьких кольтиков, брызжащих пламенем и плюющих свинцом? Почему ты так плохо обо мне думаешь? Конечно, я не упущу этаким шансом и не останусь в стороне, хотя догадываюсь, что, как и всякий другой, могу получить там добрую порцию свинца. Вот только, Дэн, у меня за спиной никакого опыта в том, что касается подобных вещей, – и вдруг я попадаю в такой переплет... А я не какой-нибудь молниеносно выхватывающий оружие артист... и вообще не из тех парней, что с первого раза сбивают подброшенную в воздух монетку.

Какое-то мгновение Дэн внимательно приглядывался ко мне, и в душе затеплилась слабая надежда, что он переменит решение и возьмет с собой кого-нибудь другого.

Но Дэн, кивнув, почти нехотя проговорил:

– Возможно, ты и впрямь не очень скор в стрельбе, но те, в кого ты метишь, уже не поднимаются после выстрела, я это заметил!

Я знал, что он имеет в виду. Однажды мы с Дэном ехали куда-то вдвоем, как вдруг откуда-то выскочил маленький, песчаного цвета койот и, подпрыгнув на месте, бешено понесся прочь, хитро петляя меж кустов и камней. Дэн в ту же секунду сорвал с плеча винтовку и послал пулю вслед. У меня не было с собой винтовки, я выхватил револьвер и сделал один из этих дурацких, безнадежных выстрелов с большого расстояния. Однако он оказался не таким уж и глупым. Может, это было чересчур самонадеянно, но почему-то я тут же решил, что попал в койота и, более того, сразил его наповал...

А затем, когда Дэн, чертыхнувшись, резко дернул винтовку вверх, я прицелился еще раз и перешиб койоту хребтину. Это был классный выстрел с расстояния в сто ярдов – Дэн настоял, чтобы измерить его шагами. Тогда он не особенно распространялся об этом происшествии, но теперь, поймав его взгляд, я понял с совершенной определенностью, что у меня нет шансов выйти из игры. Тот злополучный выстрел заставил Дэна выбрать именно меня, и не могло быть даже речи о том, чтобы он взял с собой кого-нибудь другого!

Весь день мы трудились как обычно, а к поездке готовились точно так же, как к любой вечеринке. То есть накачали насосом воды в цинковые корыта для стирки, а потом влезли в них и стали натираться желтым хозяйственным мылом. Самое милое дело, если надо хорошенько отскрести грязь! Чувствуешь себя после этого – будто заново на свет родился!

Потом мы нарядились в лучшие свои одежды – яркие и праздничные. И все время, пока натягивал одежду, я мысленно обращался к своему тоскливо ноющему сердцу: «Господи! Вот в этом во всем я и умру!»

Застегивая куртку, я говорил себе, что пуля, возможно, пробьет ее слева и оставит там маленькую дырочку, сквозь которую будет медленно-медленно сочиться кровь.

Я пытался отогнать мысли о ружьях и револьверах, но тщетно. Я лишь тешил себя надеждой, что умру быстро, памятуя, как долго и мучительно умирал несчастный Терри Уильямс. Как он вертелся и переворачивался по полу, подобно цыпленку с оторванной головой. Как он задыхался, как сотрясался в удушье. Как глаза его вылезали из орбит от страшных, нечеловеческих мучений. Как бедняга просил, чтобы кто-нибудь пристрелил его, положив тем самым конец нестерпимым страданиям.

Бедный Терри Уильямс! А ведь он был куда крепче и сильнее меня. Однако при всех его стойкости и терпении несчастный визжал и вопил в предсмертной агонии.

Но наконец и для него все закончилось. Уильямс стоял на четвереньках и вдруг перестал кричать. На лице мелькнуло изумление, и Терри, обмякнув, свободно и расслабленно завалился на бок. Вот так он умер. Мне никак не удавалось прогнать воспоминания об этих минутах. С начала того вечера и до самого его конца я не мог избавиться от мыслей о Терри Уильямсе, и молился о более скорой смерти.

Мне отчаянно не хотелось идти к столу. Обычно, если кто-то из ребят ехал на танцы, за ужином все остальные посмеивались и подшучивали над ним. Я же сейчас готов был говорить о чем угодно, но только не о том, куда нас несет.

Но вышло иначе и гораздо хуже, чем я себе представлял. Когда мы вошли в комнату и сели за стол, все вели себя так, будто понятия не имеют ни о наших планах, ни о людях по фамилии Экер, ни о существовании городка под названием Кэтхилл, ни о тамошней вечеринке!

Это было намного тяжелее, потому что с особой ясностью показывало, о чем они думают.

Под конец ужина старик Джефф Порсон, сидевший все это время не проронив ни слова и не отрывая глаз от тарелки, вдруг шарахнул кулаком по столу. Ударил он с такой силой, что звук смахивал на выстрел. От изумления я чуть не поперхнулся.

Пока стол танцевал и покачивался, вновь обретая равновесие, Джефф заорал:

– Подумаешь, какие важные персоны! Или впервой двум парням случается выйти лицом к лицу с пистолетами в руках? А они! Что за концерт они нам тут устроили? Кретины, ублюдки, молокососы незрелые – вот во что превратилась молодежь! И одного настоящего мужчины не слепить – возьми хоть дюжину дюжин таких, как вы! Вы разрываете мое сердце! Вы все разрываете мне сердце! Сидите здесь, как плакальщики на похоронах! Что с того, что они поедут туда и заработают порцию свинца в физиономию? Что с того, что им разнесут мозги или продырявят сердца? Ничего, совершенно ничего! Никакой разницы. Это всего лишь двое обыкновенных парней. Земля будет вращаться точно так же, как и раньше! Не о чем беспокоиться. Но вы, молодняк, все вы – куча праха, и не более того. Настоящие мужчины на этом свете либо стары, либо мертвы!

Он вскочил на ноги, схватил свой стул и, с громким стуком приставив его к стене, тяжелым шагом поспешил прочь из комнаты.

Что до меня, то я не мог больше есть. Я совсем выдохся. Речь Джеффа Порсона меня окончательно добила. Я знал, что лицо у меня побледнело, а по лбу потихоньку струится холодный пот. Я отбросил ложку, встал из-за стола и пошел к выходу. Но у Дэна оставалось куда больше мужества. Он остался на месте и наблюдал весь этот спектакль до третьей чашки кофе. Я даже слышал, как он о чем-то разговаривает с парнями, и не мог не восхититься такой выдержкой. Но вернуться к столу и поддержать Дэна я был не в состоянии.

В общем, пошел я в конюшню, оседлал для Дэна его лошадь, а для себя выбрал того самого пегого, которого объезжал последние несколько недель. К тому времени он уже хорошо знал меня и умел практически все, что требуется от хорошей лошади. Ноги у серого конька были недостаточно длинны для того, чтобы стать спринтером, зато он, бывало, скакал целый день и ни разу не просил отдыха, сколько бы там еще ни потребовалось проехать.

Когда я привел лошадей к дому, Дэн Порсон уже стоял на крыльце и тут же присоединился ко мне.

– Как ты, Нелли? – спросил он.

То, что он использовал это дурацкое прозвище, просто взбесило меня, и я раздраженно буркнул:

– О, конечно, не так хорошо, как следовало бы. Но в нужный момент я буду действовать, а не болтать языком!

Он промолчал, и мы понеслись прямо по полю до самой дороги в Кэтхилл.

Путь оказался долгим. Мы добрались до города лишь в четверть одиннадцатого и очень устали. Холодный ветер, поднявшийся с заходом солнца, не только не ослабевал, а, напротив, становился все сильнее и время от времени обдавал нас ледяной изморозью. Стоны и завывания ветра, бьющего то в бок, то в спину, словно бы предвещали близкий конец света.

Я вспоминал славные летние денечки, тепло и солнце, мать и отца – те чудесные времена, когда я мог беззаботно играть, а вместо меня другие несли на плечах тяжкий груз повседневных забот. Да, я раскис напрочь и думал, что Дэн Порсон слишком много захотел, пригласив меня на такую прогулку. И почему меня? Я вовсе не был ни его закадычным приятелем, ни любимчиком. И кстати, всю самую грязную и тяжелую работу на ранчо Дэн взваливал на меня, всегда заставляя делать больше, чем в моих силах.

В таком вот состоянии – мрачный, чуть живой, обиженный на Порсонов и на весь белый свет и вконец упавший духом – я и увидел огни Кэтхилла, длинной полосой растянувшиеся вдоль широкой петли Кэт-Крик – реки, которая, изгибаясь в этом месте широкой дугой, охватывала город полукругом.

Въехав в Кэтхилл, мы поставили лошадей в городской платной конюшне, к тому времени уже почти переполненной. наших скакунов принял мужчина с грязной кожаной повязкой на глазу.

– Скажите, парни, ведь один из вас – Дэн Порсон, а?

– Я – Дэн Порсон, – ответил мой спутник. – И что с того?

– Что с того? Да нет, ничего. Совершенно ничего, *мне* это без разницы!..

И он отошел от нас, уводя лошадей в стойла.

О, конечно же мы прекрасно знали, что конюх имеет в виду, и Дэн, с минуту глядевший ему вслед, пробормотал:

– Значит, они ждут нас.

Порсон развернулся и быстро зашагал на улицу, а следом за ним – хвостом – и я. Так мы и проследовали к танцевальному залу.

В этом огромном двухэтажном сарае раньше держали лошадей. Теперь внизу валялись старые повозки и всякая прочая рухлядь, включая полуразвалившуюся уборочную машину, а наверху, где пол был до блеска отполирован складывавшимся там когда-то сеном, устраивали танцы или собрания горожан. Сбоку на второй этаж вела длинная, шаткая и неустойчивая лестница. Устало тащась по ней за Дэном, я воображал, будто поднимаюсь на плаху. Мы уже почти добрались до площадки, когда Дэн вдруг замер и, вскинув голову, огляделся вокруг.

– В чем дело, Дэн? – спросил я. Дыхание у меня перехватило – я испугался, что в последнюю минуту парню изменила вся его отвага.

– Ничего, – вздохнул Порсон. – Просто пришло в голову...

Так и не договорив, он опять стал карабкаться наверх. Но я и без слов сообразил, в чем дело. Дэн хотел бросить последний взгляд на окружающий мир. Именно так – последний! Полагая, звезды казались ему просто великолепными, как и мне в тот момент, – в сотню раз ярче и прекраснее, чем когда-либо. Я удивлялся, что раньше не замечал их красоты! Как я мог не обращать на них внимания? Эх, лежать бы все ночи на спине, смотреть на небо и восторгаться ими, изучать и наблюдать их, узнавая имена и неповторимые очертания каждой...

Оказавшись – неожиданно для себя – у двери, я на долю секунды ослеп от озарявших зал потоков света, а придя в себя, услышал, как Дэн Порсон спрашивает кого-то:

– Братья Экеры здесь?

И как гром с небес прозвучал ответ билетера:

– Нет! Ни Джош, ни Том не приходили!

Глава 8

Бобби Мид

Воистину, это был гром среди ясного неба. Я ушам своим не верил и, боясь выдать крайнее изумление, напряженно уставился в пол.

Но я увидел, что Дэн все равно покупает билеты. Зачем? Мы явились, мы спросили об Экерах. Почему бы не оставить все как есть и не отправиться с чистой совестью обратно, не заходя на танцплощадку?

– Подождите, – услышал я голос билетера. – Вы – те самые парни с ранчо Порсона?

– Да, – ответил Дэн. – Я – Дэниел Порсон.

– Что ж, я слыхал, Том Экер ждет твоего приезда. Надо послать весточку – и он тотчас будет здесь. Это не займет много времени. Давайте входите.

Он чуть ли не насильно втолкнул нас в двери. От множества ярких огней я захлопал глазами, а потом увидел разноцветные ленты, развешанные между балок, десятки фонарей, сверкающий, как водная гладь, пол – вот только он не давал такого ясного и четкого отражения. И сквозь все это сияние до меня вновь донесся голос билетера:

– К нам сюда приходит лучшая девушка в городе, так что вам вряд ли придется скучать, поджидая своих друзей Экеров.

Как раз в этот момент в зал вошла стройная девушка лет восемнадцати – девятнадцати, и, несмотря на то что вся ее фигурка, за исключением рук и шеи, была скрыта от постороннего взгляда, любой признал бы ее необыкновенной красавицей. Мы уже успели отойти на некоторое расстояние и не могли ясно разглядеть черты лица незнакомки, и все же чувствовалось, что она просто восхитительна.

Билетер назвал ее лучшей девушкой города – и не солгал. Я и без всяких слов это понял.

В каждом городе, не имеет значения, насколько он мал или велик, обязательно найдется девушка, которая во всех отношениях превосходит остальных, действительно – лучшая. Она красивее других, смелее, умнее, ласковее, добрее, сильнее, искреннее... и сияет каким-то внутренним светом. Она именно та, кого пожилые мужчины хотят видеть своей дочерью, молодые парни – женой, а маленькие мальчики – подружкой.

Вот такая-то девушка шла по залу вместе с тоненьким молодым человеком, которому, приближаясь к нам, сказала:

– Поторопись, Слим. Лети со всех ног, как можно быстрее, хорошо?

– Будь спокойна, – заверил ее Слим и моментально бросился к выходу.

А девушка изящной поступью подплыла прямо ко мне и неожиданно одарила улыбкой. Впрочем, улыбка эта казалась немного натянутой и чересчур ослепительной, из числа тех, что привлекательные юные особы пускают в ход с каким-то скрытым намерением, и, как правило, они не сулят добра.

– Это ты – Дэн Порсон? – полюбопытствовала девушка.

– Нет, но... – Я начал было поворачиваться к Дэну, и, поверьте, он уже сам готов был к ней подскочить, как вдруг незнакомка сказала:

– Все в порядке. Я хотела познакомиться с любым из вас. Меня зовут Роберта Мид, но все тут, в Кэтхилле, называют Бобби.

– А мое имя – Нельсон Грэй, – представился я. – Хотя у нас на ранчо все называют меня Нелли Грэй.

Она слегка кивнула и еще раз пристально посмотрела на меня. Улыбка ее вдруг стала более живой и естественной.

Я представил Дэна, и Бобби подала ему руку и потащила знакомить нас с полудюжиной местных обитателей. Каждый из них смотрел на нас либо подозрительно прищуренным, напряженным взглядом, либо вытаращив глаза и непрерывно мигая.

Дэн пригласил девушку на танец.

– Я не могу, мистер Порсон, – извинилась она. – Ваш друг пригласил меня раньше.

Музыканты играли в другом конце зала, на невысоких подмостках. В состав оркестра входили тромбон, корнет, скрипка, барабаны, а также старенькое пианино, звучавшее так, будто в него напихали множество пустых консервных банок. Но тем не менее музыканты держали приличный ритм, и я с огромным удовольствием кружил девушку по залу. Наш танец приковал к себе всеобщее внимание, многие даже остановились посмотреть на нас.

– Тебе стоило бы потанцевать с Дэном, – попытался я прервать молчание. – Уж он-то – мастер в этом деле.

– Ты вполне нормально танцуешь, – с некоторым раздражением отозвалась Бобби. – Но что привело вас обоих сюда на ночь глядя?

– Ну, у нас были все основания тут оказаться. По правде говоря, мы получили приглашение.

– Ты имеешь в виду, Том Экер пригласил вас?

Мне не хотелось никого обвинять, так что я просто пожал плечами. Девушка быстро заполнила пробелы в моих объяснениях, размышляя вслух:

– Том решил снова встретиться с Дэном Порсоном. Его брат выздоровел. Значит, тебя Дэн позвал с собой за компанию. Так?

– Ну, раз ты так говоришь, не стану отпираться.

– Давай-ка сделаем перерыв. В любом случае я собиралась скорее обсудить кое-что, а не танцевать.

Мы отошли в уголок, и Бобби продолжила допрос:

– Тебя взяли, потому что ты хорош в бою, не так ли? Ты не побежишь, когда начнется стрельба, а, Нельсон Грэй?

Я подумал о том смертельном холоде, что засел во мне, леденя сердце и мозг, с той самой минуты, как стало ясно, что поездки сюда не избежать, и невольно рассмеялся. И меня порадовало, что я еще способен смеяться.

– Послушай, – начал я, – я настолько перепуган, что еле держусь на ногах. Я ни разу в жизни не стрелял в людей и не имею ни малейшего представления, каково это. Похоже, тебе многое известно, или, во всяком случае, ты о многом догадываешься. Но что бы ты ни предполагала насчет меня – все неправда. Меня просто попросили приехать.

Бобби, слегка прищурясь, вглядывалась в мое лицо, словно хотела прочесть всю подноготную. В конце концов она задумчиво кивнула:

– Вижу, ты и в самом деле не гордец.

Мне не оставалось другого выхода, кроме как откровенно во всем признаться:

– У меня нет ничего такого, чем я мог бы гордиться. Я всего лишь простой ковбой, да и в этом деле, правду сказать, новичок. Ты решила, что я – гуляка и сорвиголова, готовый ввязаться в любую свару, и прискакал сюда затеять драку со стрельбой. Истина же заключается в том, что Том Экер легко может проглотить меня вместе с потрохами. И я знаю это. Но я здесь. И не спрашивай меня почему.

Бобби казалась еще больше озадаченной, в то же время как будто обрадовалась моим словам.

– Ты говоришь искренне, – улыбнулась она, – и дело здесь не только в скромности... А раз так, ты, конечно, будешь рад узнать, что на сегодня я несколько смягчила положение. При условии, что шериф сможет уладить дело! Я послала за Лореном Мэйсом.

Это имя было мне знакомо. В наших краях оно *действительно* известно каждому. Мэйс – из тех героев, что на голову выше обычных людей.

– Господи! – услышал я минутой позже. – Слим все канителится, а сюда уже идет Джош Экер!

И тут я увидел его в дверях – броского и весьма представительного молодого человека, много крупнее своего брата, столь же красивого и статного, но без того электрического поля, что мгновенно возникало, как только Том Экер оказывался где-то поблизости.

Я смотрел на Джоша со странной смесью ужаса и восторга. Именно его Дэн Порсон ранил в той злополучной салунной перестрелке. Мое уважение к Дэну возросло неимоверно. Что же касается меня самого, то не хотел бы я оказаться на пути у этого человека и уж тем более вступать с ним в схватку.

– Еще чуть-чуть – и здесь будет Том, – с волнением в голосе пробормотала Роберта Мид. – И тогда в самом деле начнутся неприятности! Где же Слим? Где шериф?

Я видел, как Экер-младший поздоровался с одним из парней, а потом с другим. Он двигался медленно, слегка прихрамывая, но было ясно, что, когда придет время взяться за оружие, его правая рука не станет медлить.

Но тут в зал вошел еще один человек – дородный широкоплечий мужчина средних лет с сомбреро на голове. Очень приятный на вид джентльмен – светловолосый и загорелый до черноты.

– Слава Богу! Лорен Мэйс успел вовремя! – воскликнула девушка, по-прежнему стоявшая рядом со мной. Она крепко стиснула мою руку и прошептала: – Ты рад?

– Еще бы! – с нескрываемым облегчением выдохнул я.

И тут же в дверях возник Том Экер. Он скользнул к брату легко и изящно, как дикая кошка, каковой, впрочем, и являлся по сути. Рядом мгновенно оказался шериф, схватил Тома за руку, потом, сделав шаг или два в сторону, так же ловко поймал и руку Джоша. Музыка сразу оборвалась – с резким, неприятным визгом. И когда весь зал притих, послышался голос Лорена Мэйса:

– Я собираюсь взять с вас обещание хранить мир и спокойствие. Слышишь меня, Том? А ты, Джош, слышишь? Мне известно об этой разборке. И она не состоится. Нет, пока в этом городе я ношу звезду шерифа и стараюсь поддерживать закон и порядок. Она не состоится!

Он отпустил их руки и хлопнул в ладоши.

– Не нужно было так орать, – спокойно заметил Том Экер. – Я и без того прекрасно слышу.

– А так ли это, красавец? – строго посмотрел на него шериф. – Скажу тебе, что в недалеком будущем ты можешь услышать так же отчетливо. Это будет голос судьи, и он объявит, что ты приговорен к повешению. Но, надеюсь, ни один судья не сделает этого, пока я справляюсь со своими обязанностями. Том, Джош, мне известно, за каким дьяволом вы явились сюда. Поверьте, я знаю, что говорю. Так вот, я обязываю вас хранить мир и, если вы не дадите мне честное слово, сейчас же отправлю в тюрьму обоих, клянусь честью!

Лорен Мэйс говорил совершенно серьезно. Что касается меня, то могу честно сказать: ни разу в жизни я не слышал слов, которые звучали бы для моих ушей более приятной музыкой. Я готов был аплодировать Лорену Мэйсу, притом очень и очень громко!

Но тут с наружной лестницы сквозь дверь, но так громко, что все собравшиеся оглянулись, чей-то голос прокричал:

– Где Лорен Мэйс? Где шериф?

– Здесь, на танцах, – ответил кто-то.

Тогда с лестницы запыхавшийся сердитый голос вновь завопил:

– Самое время шерифу плясать, когда Руди Кларк уже убил двоих, а теперь поехал за женой и малышом, чтобы прикончить и их!

Я увидел, как Лорен Мэйс с тяжким протяжным стоном вскинул руки над головой. Он не стал дожидаться, когда вестник несчастья войдет в зал, а сразу понесся сквозь толпу к двери, и скоро его каблуки загрохотали по наружной лестнице.

– Кто он, этот Руди Кларк? – спросил я девушку.

– Да так, один бедняга, – ответила Бобби Мид. – Довольно добродушный малый, но раз в год приходит в бешенство – и тогда может натворить бед. Ох, до чего не нравится мне все это! Не поверю, что Руди мог настолько взбеситься, чтобы пойти дальше обычных угроз. Сдается мне, это всего лишь уловка.

– Зачем? – удивился я.

– Чтобы увести шерифа подальше, – пояснила она, – и вплотную заняться тобой и несчастным Дэном Порсоном!

Глава 9

Поединок

Я подхожу к той части рассказа, которая требует определенного доверия. Пожалуй, я ни за что не решился бы об этом писать, не будь так много свидетелей происшедшему.

Я говорю о событиях начиная с того момента, когда все огни в Кэтхилле погасли: не стало света ни в танцевальном зале, ни где-либо вокруг. Все погрузилось во тьму – погасли электрические фонари и на стенах, и на потолке. В этой-то крошечной темноте и произошло нечто невероятное...

Но лучше уж рассказывать обо всем по порядку.

Я так и стоял рядом с Бобби Мид. После того как шериф убежал, к нам подошел Джош Экер и остановился передо мной со злобным видом, явно собираясь что-то сказать. Но девушка его опередила.

– Держись подальше от этого грязного дела, Джош, и постарайся быть честным человеком, – посоветовала она Экеру.

По тому, как Джош взглянул на девушку, я понял, что слова Бобби глубоко поразили и даже потрясли его. Очевидно, ни один парень в округе не мог устоять перед ее магнетическим воздействием.

Да, отповедь Роберты изрядно вывела Джоша Экера из равновесия. Тем не менее он взял себя в руки и, шурясь, отрезал:

– Это мое дело, Бобби!

Затем он повернулся ко мне:

– Ты – с Дэном Порсоном, насколько я понимаю?

– С Порсоном, – слабым голосом подтвердил я.

– Выйдем в раздевалку?

– Разумеется.

– Подожди минуту! – остановила меня девушка.

Она схватила мою руку, а Джош, увидев это, развернулся и бросил через плечо:

– Мы ждем тебя, незнакомец!

Я рванулся было за ним, но попытке моей не хватало решительности, а хватка Бобби Мид оказалась неожиданно крепкой.

– Это не твои разборки. Немедленно отправляйся домой! – потребовала она.

– Не могу...

– Почему это ты не можешь?

– Честь... – забормотал я.

– Честь! – взорвалась Бобби Мид. – У меня сердце разрывается от этого слова. Так или иначе оно связано с любой мерзостью и несправедливостью в этом мире. Честь! Да ведь каждое убийство прикрывается ею. По-моему, всем, кто использует это слово, надо плетью прочищать мозги, пока к ним не вернется наконец здравый смысл. Ты остаешься здесь! И не пытайся строить из себя героя или корчить лихого рубаку и сорвиголову – ты просто не способен на это. Ты не создан для этого, ты – человек другого склада. Только посмотри на себя – ты весь позеленел... Нет, ты не уйдешь отсюда и не выставишь себя на посмешище перед всем белым светом!

Это были очень крепкие слова! Но мне придало сил ее замечание о цвете моей физиономии.

Я сказал себе, что раз лицо так явно выдает мои страдания, единственное, что я могу теперь сделать, это броситься сломя голову в схватку. Пули одинаково косят и трусов, и смель-

чаков, а когда солдаты идут в атаку и гибнут, никто не может сказать, кто из них был храбрым, а кто помирал от страха. Решено, в бой так бой!

Я легонько отстранил ее руку:

– Все в порядке, Бобби. Но я пойду туда и получу свою порцию лиха!

– Ты, проклятый идиот, вернись! – послышалось вслед. – Будь я мужчиной, я бы сама зашла и прекратила эти ваши смертельные игры!

Я очутился у раздевалки – крохотного закутка в углу, недалеко от дверей, отделенного от зала тонкой перегородкой. Позади меня раздавался голос Бобби Мид, взывавшей к кому-то:

– Они пошли туда драться – как крысы в западне. Это убийство! Гарри, Джо, Вилли, Стэйси, Джек, Марвин! Ребята, неужели вы допустите такое?

Сзади приглушенно гомонила толпа: в басовитый рокот мужских голосов вплетались резкие окрики женщин. Вопль одной из них взлетел вдруг до такой пронзительно высокой ноты, что, входя в дверь раздевалки, я окончательно утратил присутствие духа. Меня всего трясло, с ног до головы, и я, чтобы сдержать дрожь, крепко-крепко стиснул челюсти и грозно нахмурился – насколько это могло у меня получиться.

Я захлопнул за собой дверь, и хотя едва ли кто-нибудь стал бы прятаться за длинными пальто и плащами, свисавшими до самого пола с вешалок, проходивших вдоль стен, я готов был поклясться, что на какую-то долю секунды в моем поле зрения промелькнули ноги затаившегося там человека.

Итак, когда я вошел, остальные трое уже собрались – я имею в виду Дэна Порсона, Джоша Экера и его знаменитого брата Тома.

Дэн Порсон, такой бледный, как будто его лицо запорошила пыль, стоял в одном конце закутка, откинув назад голову, выпятив подбородок и улыбаясь полуобморочной улыбкой, прочно застывшей на губах. В противоположной стороне рядом с братом возвышался Джош Экер. Было ясно, что он ни капельки не боится Дэна, что бы там ни произошло при их первой встрече. Джош напряжился и чуть-чуть вытянул голову, так что казалось, он готов вот-вот ринуться вперед и стиснуть огромными лапищами горло Дэна.

Его глаза и складка губ выдавали такую отвратительную звериную жестокость, что я невольно подумал: каких бы жутких историй ни рассказывали о Томе Экере, вряд ли он мог быть таким свирепым, беспощадным дикарем, как его младший брат. Что касается Тома, то он – единственный среди нас – легко и непринужденно чувствовал себя в этой ситуации и оставался совершенно невозмутимым. Только челюсти его слегка двигались, поигрывая желваками, да в глазах стоял яростный, неистовый блеск. Да, у Тома Экера вполне хватило бы силы и самообладания, чтобы в одиночку противостоять нам с Дэном и легко порешить обоих, прежде чем кто-нибудь успел бы проговорить «Джек Робинсон». Джош в общем-то был здесь лишним и присутствовал только потому, что все началось с его ссоры.

Я подошел поближе и занял место рядом с Дэном. Тот взглянул на меня, не поворачивая головы, и в его глазах я увидел последнюю благодарность загнанного в ловушку и уже агонирующего бессловесного зверя.

Том Экер первым нарушил молчание:

– Я приезжал к тебе, Порсон, поговорить о том, как ты обошелся с моим братом. Кровь людская – не водица, что касается членов нашей семьи. Но то, что случилось тогда со мной, было трюком, подлым, низким трюком. Я послал приглашение, и у тебя хватило глупости приехать сюда. Да, именно глупости, потому что я собираюсь поставить наконец точку на этом деле, то есть прикончить тебя и этого позеленевшего от страха малого, раз уж ты притащил его с собой. Кстати, случись тебе еще раз побывать в Кэтхилле – что, разумеется, исключено, – я посоветовал бы привезти с собой настоящего мужчину.

Закончив, Том щелкнул пальцами, и я всем телом содрогнулся от одного этого звука. А бедный Дэн Порсон даже слегка отпрянул в сторону!

– Давайте наконец начнем, – вступил в разговор Джош. – Хватит разговоров! А то нас, похоже, с минуты на минуту остановят. Хорошо еще, этого чокнутого шерифа удалось убрать с дороги! Чего ж нам еще, парни? Давай, Дэнни, хватайся за пушку!

Едва он пригласил Порсона сделать первый шаг, как в соседней комнате послышался нарастающий гневный ропот толпы. И особенно отчетливо я слышал голос Бобби Мид – она умоляла, приказывала, угрожала, пыталась усювестить собравшихся и требовала сделать хоть что-нибудь, дабы оправдать свое существование и доказать право носить *имя и звание* мужчин.

Похоже, слова девушки получили отклик в толпе. Взрыв всеобщего возмущения стал ощутимее, и топот множества тяжелых башмаков раздался у самой двери. Как раз в этот момент Дэн и ответил Джошу:

– Сами начинайте первыми! Я успею выхватить оружие и прикончить вас обоих – вы, крысы!

Этими словами Порсон хотел разогреть в себе бойцовский задор, но, как я заметил с горечью в сердце, голос его дрожал и срывался. Про себя я решил выбрать Тома Экера. Главное – выхватить револьвер как можно быстрее, но постараться по возможности сохранить спокойствие и ясность видения, а также силу, чтобы твердо и плавно нажать на спуск. Только бы успеть хоть раз точно выстрелить в него, прежде чем умру, ведь целиться придется с пола, из положения лежа то ли на спине, то ли на боку, в зависимости от того, как упаду. «Медленно, но верно» – такой девиз я мысленно начертил для себя.

И вот, когда мы стояли друг против друга, застыв в финальном напряжении и отделенные от смерти, возможно, лишь десятymi долями секунды, тут-то как раз и погасли огни.

В мгновение ока все окутала тьма, и одновременно собравшиеся в зале откликнулись недоуменным полувздохом-полустоном. Потом пронзительно завизжала добрая дюжина женских голосов и затопали несущиеся куда-то ноги. Все это напоминало бестолковые метания перепуганного стада.

Да, жутковатое ощущение – мчащаяся к нам возбужденная толпа и полная невозможность что-либо разглядеть. Но что касается меня, то, стоя там с револьвером в руке, я воздавал хвалу Господу за каждый отпущенный мне вздох, за каждое подаренное мгновение жизни.

Затем я услышал голос, отчетливо прозвучавший во тьме комнаты недалеко от меня:

– Если будешь дергаться, Том Экер, и плохо себя вести, этот нож продырявит тебя насквозь. Замри и не шевелись, ты, проклятый потрошитель овец!

Звук этого голоса пролился бальзамом мне на душу – я узнал Лэнки!

Как он там очутился, я понятия не имел, но мог бы поклясться, что в точности узнал его речь, особую манеру говорить – уж очень крепко запечатлелась она в моей памяти!

Еще миг – и среди всеобщей суматохи и кутерьмы вновь вспыхнули огни. Я оглянулся по сторонам, ожидая увидеть присоединившегося к нашей компании Лэнки. Но к моему удивлению, дверь раздевалки оказалась открытой, а Том Экер, Лэнки и Дэн Порсон – все трое – пропали.

Остался один Джош Экер. Он стоял напротив меня и точно так же держал в руке револьвер.

Я хотел было спрятать оружие, но Джош Экер как будто взбесился. Он пришел сюда убить или быть убитым и жадал довести до конца нашу кровавую игру. Никогда не видел я такого лица, какое было у него в тот момент, когда загорелся свет.

– Будьте вы прокляты! – заорал Джош. – Как бы то ни было, хоть одного из вас я заполучу!

С этими словами он выстрелил.

Я знаю, что меня спасло. Мучаясь ожиданием, я был весь как на иголках, каждый мой нерв и мускул пребывал в напряжении, так что от одного звука его голоса я отлетел в сторону. Благодаря этому прыжку пуля миновала меня, просвистев у самого моего лица.

Приземляясь, я споткнулся и, не удержав равновесие, упал на колено и выставленную вперед левую руку.

– Получи еще, еще получи! – ревел Джош. Его верхняя губа по-волчьи вздернулась, оскалив зубы, когда он посылал в меня вторую пулю. Она прошила прядь моих волос.

Я выстрелил снизу, из того положения, в котором оказался, упав на пол, и с удивлением отметил, что пальцы не дрожат. Нажимая на спуск, я благодарил Бога и твердость своей руки. Почти одновременно с выстрелом я отчетливо расслышал глухой звук пронзающей плоть пули.

И я понял, что убил человека!

Глава 10

Умиравший

Вы, кто лишь понаслышке знает о перестрелках и о людях, отправивших на тот свет десяток-другой ближних, о людях, для кого убийство – заурядное, ничем не примечательное происшествие, вам я хочу рассказать, как это выглядит на самом деле.

Что я чувствовал, когда услышал ужасный звук пули, вонзающейся в плоть – в человеческую плоть! – я описать не в силах. Самое худшее из того, что последовало далее, – пустяк в сравнении с этим.

Затем, медленно поднимаясь на ноги – медленно, потому что колени мои вдруг ослабли, – я увидел, как, блеснув, выпал револьвер из руки Джоша Экера и пальцы его потянулись к груди.

– Ты, – сдавленно пробормотал он, вперив в меня неподвижный взгляд стекленеющих глаз, – ты пришел и убил меня!

Хочу напомнить вам, что Джош был крепким, сильным парнем и еще две секунды назад смотрел на меня злобно, как сам дьявол, намереваясь во что бы то ни стало проглотить и сожрать живьем. А теперь он вдруг превратился в перепуганного ребенка, и, пока говорил, тоненькая красная струйка пробилась сквозь пальцы прижатых к груди рук.

Джош почувствовал это и, оторвав от раны руку, уставился на нее, оцепенело разглядывая обогрившую ее влагу.

– Ты пришел и убил меня, – вновь обессиленно выдохнул он.

Казалось, эта мысль поразила Экера сильнее и сокрушительнее, чем настоящий кусок свинца, пробивший тело несколько секунд назад, потому что он тут же свалился на пол, ударясь о его поверхность с глухим мягким шлепком. Этот кошмарный звук падения расслабленного, обмякшего тела до сих пор явственно звучит у меня в ушах, когда я вспоминаю эту сцену.

Комната постепенно заполнялась людьми. Они толпой стояли вокруг нас, беспомощно опустив руки. Я подбежал к Джошу Экеру и опустился рядом на колени.

Обе его руки снова лежали на груди, и кровь медленно сочилась сквозь пальцы. Лицо побелело и вытянулось, глаза закрыты.

Открыв их, Джош увидел меня и с визгом вскинул руки в мою сторону.

– Уберите его! – завопил он. – Этот парень убил меня! Уберите его! Он убил меня!

Руки Джоша оказались у самого моего лица, и я увидел покрывавшую их липкую, густую влагу – кровь!

Вопль умирающего произвел сильное впечатление не только на меня, но и на окружающих. Чьи-то руки внезапно схватили меня за плечи и с силой рванули назад. Я не смог удержаться на ногах и, качнувшись, отлетел, так что с грохотом врезался спиной в стену этой маленькой комнатки. Полные угроз лица повернулись в мою сторону и свирепо, с ненавистью сверлили меня, предвещая недобрый конец.

Я хотел поскорее убраться оттуда, но мои ноги словно приросли к полу. Я не мог убежать до тех пор, пока Джош не умрет.

Как я сейчас жалею, что не сделал над собой усилие, потому что побег позволил бы мне счастливо избежать всех дальнейших передрыг. Хотя нет, наверное, не всех, поскольку, похоже, дьявол уже всю гулял по этой части света, подсыпая яд дурных мыслей и желаний в головы ее обитателей. Но большей части того, что случилось впоследствии, думаю, удалось бы избежать, прислушайся я к своей интуиции.

Но сделанного не воротишь, я остался, а толпа все сгущалась вокруг Джоша, так что и не разглядеть, что с ним происходит. Все кругом твердили, что нужно расступиться и дать умирающему побольше воздуха, но никто не следовал благим советам. Напротив, ближние

толпились все теснее и требовали теперь от тех, кто стоял за спиной, отойти подальше, они же, в свою очередь, обращались с таким требованием к наступавшим на них. Так все и шипели друг на друга, а давка вокруг все увеличивалась.

Так я получил первое, слабое представление о психологии толпы – управляет ею обыкновенный стадный инстинкт, не более. Мне следовало бы узнать об этом гораздо раньше!

Появился доктор, и его с трудом проволокли сквозь эту мясорубку.

Я вновь услышал хныканье бедняги Джоша:

– О, док, он пришел и убил меня! Пришел и убил!

– Все будет хорошо, мальчик мой, – успокаивал его доктор твердым, сильным голосом. – Я *надеюсь*, с тобой все будет хорошо!

Как обрадовало меня звучание этого голоса! Его сила и уверенность, правильный и отчетливый выговор – все выдавало человека образованного. Кто знает, думал я, может быть, в наш век чудес науки и техники врач сумеет вытащить Джоша из пропасти мрачной, нескончаемой ночи, в которую он – я четко это осознавал и даже чувствовал – проваливался все глубже.

Кто-то дернул меня за руку. Я оглянулся и увидел, что рядом опять стоит Бобби Мид.

– Убирайся отсюда! – шепнула она мне на ухо. – Убирайся отсюда, и поскорее!

– Я не могу уйти, пока не узнаю, чем все это кончится, – пробормотал я.

– Ты узнаешь это, когда веревка обовьется вокруг твоей шеи!

Лицо Бобби напряглось. Все вокруг кидали на нас злые, безжалостные взгляды. Я понял, что Роберта Мид – из тех, кто не теряет головы в критической ситуации, но не мог воспользоваться ее советом удрать. Ноги как будто прикипели к полу.

– Нечестно будет, если я уйду, – выдавил я из себя.

– А будет честно, если они тебя линчуют? – взорвалась Бобби. – Это, по-твоему, лучше?

«Линчуют»! Мне часто приходилось слышать это слово, но я никак не мог взять в толк, что имеет в виду Бобби. Ведь это был честный поединок, если, конечно, такая вещь, как честный поединок, вообще *возможна*. И тому наверняка есть много свидетелей. Те, кто заглядывал в дверь, должны были знать, что в меня выстрелили дважды, до того как я пустил в ход свой револьвер. Так при чем тут суд Линча?

Да, мне следовало бы побольше знать, как люди ведут себя в толпе, о том, как работают их мозги при необычно большом скоплении народа. Жаль, что я не выяснил этого намного раньше!

Я снова услышал голос доктора, звучавший так же четко, как прежде, но уже более официально. Внезапная тишина жутким холодом объяла толпу, когда он заговорил:

– Джош, суровый долг обязывает меня предупредить, что жить тебе осталось, возможно, всего несколько минут. Может, ты хочешь что-нибудь сказать нам? Если тебе есть что сообщить или передать, Джош...

Вопль Экера не дал врачу закончить фразу.

– Ты все врешь, док! – завизжал он. – Я и не подумаю умирать! Господь не даст мне умереть. Я слишком молод для этого. Во мне еще море сил... Бог не допустит, чтобы какая-то подлая, трусливая вонючка пришла и убила меня!

Тяжкий вздох пронесся над толпой. Все до единого, включая и меня, затаили дыхание. Слово «убийство», так и звучавшее в каждом вопле Джоша, похоронным колоколом гудело у меня в голове. Впрочем, не менее ясно его слышали, разумеется, и все остальные.

Руку мою снова энергично встряхнули.

– Ну, теперь-то ты уйдешь, Нелли Грэй? – сердито шепнула Бобби.

Я пребывал в таком состоянии духа, что едва слышал ее. Куда уж тут решительно следовать дельному совету! Меня словно бы обволокло каким-то серым туманом. И сквозь эту дымку пробивались единственная мысль, единственное чувство – меня должны оправдать. Я хотел сказать что-нибудь, хотел объяснить, что у меня не было другого способа защититься,

что я стрелял только для самообороны. Меня так и тянуло прокричать эти слова прямо им в уши. И тут я услышал доктора:

– Джош, каким бы сильным ты ни чувствовал себя сейчас, я все-таки обязан предупредить: через несколько минут ты будешь мертв. Мой долг – честно сказать об этом.

– Будьте вы прокляты – и ты, и твой долг! – прокричал, задыхаясь, Джош. – О, я знаю, он убил меня! Он пришел и убил меня! Я хочу видеть его. Хочу видеть его лицо!

Толпа расступилась, словно околдованная этой просьбой. Мужчины обратили ко мне каменные лица. Железные руки схватили меня и поставили перед Экером.

Он ужасно изменился за эти несколько минут. Лицо совсем побелело, а всю грудь, теперь обнаженную, заливала кровь. Но самым ужасным было то, как напряглись его щеки и выпучились глаза, когда он узнал меня.

Джош вскинул руку – как хотелось бы мне избавиться от этого воспоминания! – и пригрозил кулаком.

– Ты, пес! Ты, собака! – захрипел Джош. – Ты прокрался сюда, замышляя убийство, и убил меня! Да, ты убил меня! Ты сделал это! Я налагаю на тебя проклятие! Я заклинаю воду, которую ты пьешь, и воздух, которым ты дышишь, и пищу, которую ты ешь. Пусть все это задушит, отравит, погубит тебя. Я проклинаяю...

Он задохнулся на середине, совсем обессилив. Невозможно описать, как эти слова поразили меня. Грудь стеснило от страха, а сердце содрогнулось и сжалось в комок. Это были совсем не те слова, каких можно ожидать от грубого и неотесанного парня вроде Джоша, обычного ковбоя, то есть пастуха. Он мог обругать меня по-черному, мог заклеить самыми крепкими выражениями. Но столь необычный и жуткий способ наложения проклятия привел меня в ужас. И страшнее всего было то, что слова эти исходили из уст умирающего.

Невыносимый холод сдавил мне горло, как будто я вдохнул леденящего мокрого тумана. И сразу стало нечем дышать.

В этот-то момент Джош как раз и умолк.

Он вдруг откинулся назад, повиснув на руках нескольких доброхотов. Но ни одна родная душа не смогла проводить беднягу в последний путь. По крайней мере, брата точно не было рядом. Том так и не вернулся назад. А появившись он в зале, я бы, несомненно, первым узнал об этом – по граду пуль, пронзающих мое тело.

Итак, Джош лежал на руках горожан, хватая ртом воздух. Вдруг он судорожно подтянул ноги к груди так, что колени коснулись подбородка, а затем вновь конвульсивно выпрямил их, отчего все тело приподнялось над полом.

А затем произошло самое ужасное.

С последним приливом сил Джош стал указывать на меня, потрясая руками и кивая то в одну, то в другую сторону. Губы шевелились беззвучно, но казалось, Экер во весь голос сыплет самыми чудовищными угрозами и проклятиями. При этом из горла вырывалось лишь какое-то жуткое бульканье, не смолкавшее до тех пор, пока не лопнул бледно-красный пузырь на губах.

И тогда лицо Джоша как-то мгновенно набухло и почернело, а глаза еще больше выпучились, будто вот-вот вывалятся из орбит.

Он еще раз странно скособочился, дико всплеснул руками и умер. Тело вытянулось на полу, как прибитое гвоздями, – сам не знаю, почему такое сравнение возникло у меня в голове.

К несчастью моему, эта картина надолго запечатлелась в памяти!

Джош так и застыл неподвижно. Полуприкрытые глаза больше ничего не видели. Я знал, что это – смерть. Джош Экер лежал на полу, но его уже не было. А то, что распласталось у нас под ногами, – лишь оболочка, мертвая материя – все, оживлявшее ее, заставляя думать и чувствовать, ушло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.